

Институциональная теория модерна: Иоганн Густав Дройзен

Виталий Куренной

Профессор, Школа философии и культурологии; руководитель, лаборатория исследований культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: vkurennoj@hse.ru.

Ключевые слова: Иоганн Густав Дройзен; теория историографии; методология историографии; теория государства; институциональная теория; теория общества модерна; институциональная динамика общества модерна.

В статье проведен анализ теории историографии («историки») Иоганна Густава Дройзена в нескольких ключевых аспектах. В первой части рассмотрены вопросы значения и рецепции наследия Дройзена в современной историографии, прежде всего в американском и российском контекстах. Определяются основные особенности теории историографии Дройзена, среди которых выделяются следующие: обоснование автономии истории как науки, радикальный конструктивизм, ограниченный релятивизм, презентизм, предметное и экзистенциально-антропологическое расширение герменевтики. Основная часть статьи посвящена институциональной теории Дройзена. Обосновывается тезис, что «историка» — это не только теория и методология историографии, но также оригинальная институциональная теория, представляющая собой связующее звено между прежде всего философией Гегеля и современными социальными и политическими концепциями. Рассмотрено отношение Дройзена к философии Гегеля, из которой заимствуется основная категория его институционального анализа — «нравственный мир» (*die*

sittliche Welt). Отдельное внимание уделено теории государства Дройзена, в которой государство рассматривается как единственный источник легитимного насилия и механизм нейтрализации конфликтов в гражданском обществе, а также вводится различие понятий «власть» и «насилие».

Институциональная теория Дройзена рассмотрена в трех основных направлениях. Во-первых, проанализировано его формально-теоретическое понимание института в сравнении с базовыми современными философско-теоретическими определениями этого понятия. Во-вторых, раскрыты основные содержательные особенности теории, включающие в себя три типа институтов (природные, идеальные, практические), различие которых позднее сыграло заметную роль в современной социальной теории и социологии. В-третьих, эксплицирована концепция динамики институтов модерна Дройзена, представляющая собой напряженный баланс между стремлением институтов к обретению устойчивости и нарушением этой устойчивости под влиянием инстанций нормативной рефлексии и критики.

ПОНЯТИЕ «институт» и различные формы институционального анализа являются неотъемлемой частью современных исследований общества и так или иначе используются всем спектром гуманитарных, социальных и экономических дисциплин. При этом данное понятие — исторический беспризорник: экскурсы в историю институциональной теории ограничиваются отсылками к истокам современной социальной теории и упоминанием Макса Вебера, Эмиля Дюркгейма и Торстейна Веблена¹, иногда добавляется теория правового институционализма Мориса Ориу и классификация институтов Герберта Спенсера². В этом тексте не ставится задача систематически и всесторонне компенсировать этот недостаток. У нее более скромная миссия: показать, что ряд важнейших элементов и положений современной институциональной теории были сформулированы Иоганном Густавом Дройзеном — крупнейшим теоретиком и методологом современной историографии. Вместе с тем мы видим свою задачу также в том, чтобы актуализировать наследие Дройзена, которое до на-

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

1. Стэнфордская энциклопедия философии, представляющая сегодня наиболее масштабный, постоянно обновляющийся и при этом контролируемый научным сообществом энциклопедический сетевой проект, содержит одну релевантную для нашей темы статью — «Социальные институты», в которой минимальные исторические экскурсы ограничены именами Вебера и Дюркгейма (*Miller S. Social Institutions // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 ed.) / E. N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions>*).
2. Задавший на долгие годы стандарты истории понятий «Исторический словарь философии» Иоахима Риттера в статье «Институт», написанной Гельмутом Дубилем, вскользь упоминает «Институции» Юстиниана, понятие *institutio* в Аугсбургском вероисповедании, а затем раскрывает смысл понятия «институт» в трех типах теорий: 1) философско-правовой (Морис Ориу, Луи Антуан Сен-Жюст, Карл Шмитт), 2) социально-научной (Герберт Спенсер, Бронислав Малиновский, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Толкотт Парсонс), 3) антропологической (Арнольд Гелен, Гельмут Шельски) (*Dubiel H. Institution // Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler / J. Ritter et al. (Hg.). Basel u. a.: Schwabe, 1976. Bd. 4. S. 418–424*). В «Словаре основных исторических понятий» Райнхарта Козеллека нет статьи «институт».

стоящего времени крайне недооценено в российском контексте³. Дройзен, несмотря на публикацию перевода ряда его основных теоретических текстов на русском языке, по-прежнему остается слепым пятном для российских историков и философов, так или иначе затрагивающих вопросы философии или теории исто-

3. Точнее было бы говорить здесь не об актуализации Дройзена, а о том, насколько архаичной и, следовательно, архаизирующей является современная история историографии — не только в России (из свежих примеров такого рода истории историографии: *Бёрк П.* Что такое культуральная история? М.: ИД ВШЭ, 2015; *Курилла И.* История, или Прошлое в настоящем. 2-е изд. СПб.: ЕУСПб, 2018). Устойчивое ощущение, возникающее при прочтении многих современных обзорных работ по истории историографии таково, словно мы продолжаем находиться в долгом XVIII веке, последними представителями которого в XIX веке были Гегель и производный от него Маркс. Развитие историографии излагается здесь как поступь неумолимого теоретического и концептуального прогресса. По большей части такой нарратив достигает убедительности за счет простого игнорирования/незнания определенных концепций, в других случаях — за счет намеренной архаизации позиции автора его, так сказать, неблагоприятным прочтением (в нарушение одного из старых правил герменевтики). Например, Аллану Мегиллу нельзя отказать в знании истории историографии и, в частности, работ Дройзена. В своей классификации четырех типов «идеально-типической установки по отношению к полной когерентности истории» он подводит Дройзена под третий тип — «единственная История существует, однако она никогда не может быть рассказана». И дает вполне релевантную общую характеристику того типа теории историографии, который представляет Дройзен: он «отказывается от надежды когда-либо сформулировать объективный большой нарратив (то есть авторитетное исследование истории как целого), но сохраняет обязательства по отношению к фактору когерентности истории на уровне самого исторического предпрятия, которое полагается объединенным на уровне приверженности общим методам и целям» (*Мегилл А.* Историческая эпистемология. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. С. 288), — соглашаясь также с тем, что именно такая установка является доминирующей в XX веке вплоть до начала 1990-х годов (рост популярности постмодерна). Однако далее, ссылаясь на использование Дройзеном понятия «цель целей» в рассуждениях о движении «нравственного мира», архаизирует позицию немецкого историка. Но при этом «цель целей» у Дройзена совершенно недвусмысленно определяется как находящаяся вне научных компетенций истории как науки (об этом будет сказано в статье). Вопрос о том, верим ли мы в «цель целей» или в то, что движение истории — это путь миропознания или познания Бога, — вопрос личного темперамента или оптимистической эпистемологической веры, выражаемой лично Дройзеном; он со всей определенностью вынесен им за пределы познавательных возможностей истории как науки. Если у современных историков распространены более мрачные воззрения на мир, это также их личное дело.

рии и историографии⁴. Наконец, третья задача этой статьи состоит в том, чтобы эксплицировать оригинальную теорию общества модерна и концепцию его институциональной динамики, которая запакована Дройзеном в его «Историке», то есть предъявить Дройзена не только как теоретика и методолога историографии, но и как оригинального социального теоретика современного общества. Следует также оговориться, что выбранные нами аспекты теории и методологии историографии Дройзена, объединенные у него понятием «историка», являются лишь узким сегментом его теоретического универсума, сосредотачивающего в себе фактически весь спектр проблем современной историографии, социально-гуманитарного знания и философской герменевтики. Но сначала несколько слов о рецепции и значении Дройзена в современной историографии⁵.

4. Характерный пример — многочисленные публикации по историзму Игоря Демина. Хотя они ограничены русскоязычным полем, то есть неизбежно чрезвычайно выборочным кругом текстов, работы Дройзена, также существующие на русском языке, в них даже не упоминаются (см., напр.: *Демин И.* Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017).
5. Основные работы, представляющие различные версии систематизации теории и методологии историографии Дройзена: *Pflaum C. D.* J. G. Droysens Historik in ihrer Bedeutung für die moderne Geschichtswissenschaft. Gotha: Friedrich Andreas Perthes Aktiengesellschaft, 1907; *Rüsen J.* Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie J. G. Droysens. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1969; *Spieler K.-H.* Untersuchungen zu Johann Gustav Droysens "Historik". В.: Duncker & Humblot, 1970; *Kohlstrunk I.* Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie. Eine Analyse von Genese und Konstitutionsprinzipien seiner "Historik" (Frankfurter Historische Abhandlungen. Bd. 23). Wiesbaden: Franz Steiner, 1980; Johann Gustav Droysen: Philosophie und Politik — Historie und Philologie / S. Rebenich, H.-U. Wiemer (Hg.). Fr.a.m.; N.Y.: Campus, 2012; *Assis A. A.* What is History for? Johann Gustav Droysen and the Functions of Historiography. 2nd ed. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2016. Наиболее полная библиография основных публикаций о Дройзене на начало 2000-х годов: Droysen Johann Gustav. Historik. Supplementband // Droysen J. G. Historik. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh und Horst Walter Blanke. Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — Holzboog, 2008. S. 204–235. Теоретические работы Йорна Рюсена, которому в значительной мере принадлежит заслуга инициирования интереса к Дройзену в Германии во второй половине XX века, представляют собой последовательную систематическую разработку и развитие идей «историка» Дройзена (в частности: *Rüsen J.* Historik: Theorie der Geschichtswissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013). Наиболее подробная новейшая биография Дройзена, ориентированная, впрочем, весьма критически в отношении различных «легенд» о своем герое, принадле-

Рецепция и значение в современной историографии

Характеризуя основной механизм влияния теоретических построений Дройзена на дисциплинарное поле историографии, Герберт Шнедельбах замечает, что

...это первый всеобъемлющий канон современной исторической науки, который определил ее традицию, преимущественно — в форме внутренней учебной традиции историков⁶.

Эта «внутренняя традиция» сформировалась прежде всего в силу того, что Дройзен на протяжении 25 лет — с 1859 по 1884 год — был ординарным профессором Берлинского университета, то есть ведущего немецкого университета, пережив за этот период исторический момент, который был главной целью его политической и публицистической деятельности — объединение Германии вокруг Пруссии. Однако влияние этой «внутренней традиции историков» распространялось, насколько мы можем судить, неравномерно в разных национальных культурах современной историографии. В частности, в США теория и историография Дройзена была действенным фактором сциентизации истории и других обществоведческих дисциплин. Перевод на английский язык «Очерка истории» еще в конце XIX века предпринял Эндрю Бенджамин — экономист и историк, на момент издания перевода занимавший пост президента Брауновского университета. В предисловии к этому изданию, к которому приложен также очерк биографии Дройзена, он указывает, что работа Дройзена произвела на него значительное впечатление, а его понимание природы и смысла истории он считает более глубоким, чем у Леопольда фон Ранке⁷. Основоположник американской политической науки,

жит историку Вильфриду Ниппелю (*Nippel W. Johann Gustav Droysen: Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik. München: C.H. Beck, 2008*).

6. *Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1983. S. 91.*
7. *Droysen J. G. Outline of the Principles of History. With a Biographical Sketch of the Author / E. B. Andrews (trans.). Boston: Ginn & Company, 1897. P. V.* Приведем более развернуто характеристику истории Дройзена у Бенджамина Эндрюса, которая позволяет прояснить тот научный контекст, в котором она вводится в англоязычный оборот: «„Историку“ Дройзена я считаю самой весомой книгой своего формата, созданной в нашем столетии, более весомой, чем любые другие, будь они меньшего или большего размера, за исключением некоторых трактатов Гегеля. Но современная тенденция исторических исследований известна мне слишком хорошо, что-

основатель общества *Academy of Political Science* (1880) и первого в США научного журнала по политической науке *Political Science Quarterly* (1886) Джон Берджесс был прямым учеником Дройзена. По словам же самого Берджесса, именно Дройзену он был обязан знаниями и методом, которые принесли ему «счастье и успех». Это высказывание Берджесса цитируется здесь по рецензии Альфреда Вагтса, быстро откликнувшегося на издание «Лекций по энциклопедии и методологии истории» Дройзена 1937 года⁸. Почти столь же быстрый отклик в американской исторической науке получило и новое критическое издание «Историки» 1977 года: пространной и содержательной рецензией на него откликнулся Хейден Уайт⁹, который неизменно крайне высоко оценивает значение Дройзена для теории историографии XIX века¹⁰. Для современных американских эпистемологов в области историографии Дройзен также является значимой фигурой теоретической референции¹¹.

Историография в России, насколько мы можем сейчас судить, напротив, оказалась полностью отрезанной от этой «внутрен-

бы ожидать, что все английские и американские ученые-историки прочтут эту книгу, — те, кто, на мой взгляд, получили бы огромную пользу от ее прочтения. В большинстве направлений этих исследований обнаруживается более сильное рвение к знанию истории, чем к ее пониманию. Мы настолько заняты сбором фактов, что у нас не остается времени для размышлений над их более глубоким смыслом. Слишком многие из тех, кто хочет, чтобы их считали историками, по-видимому, более увлечены историей какого-нибудь городского насоса при условии, что она „свежая“ и „написана по источникам“, чем историей возникновения конституции. К счастью, сейчас этот недостаток менее ярко выражен, чем раньше. Мы все более ясно видим, что история представляет рациональный интерес только потому, что интересна сама жизнь человека. Что же касается жизни человека, то единственный элемент, который закономерно вызывает наш наибольший интерес, — это ее нравственная эволюция. Такова выразительная точка зрения Дройзена, и в „Очерке“ он излагает ее в более вдохновляющей и убедительной манере, чем любой другой писатель, которого я имел счастье читать. Надеюсь, этот перевод позволит многим извлечь из его глубоких концепций еще большую пользу, чем они принесли мне» (*Droysen J. G. Outline of the Principles of History. P. VII–VIII*). Эта цитата показывает, помимо прочего, насколько фундаментальной является проблема насоса в современной историографии.

8. *Vagts A. Johann Gustav Droysen: Historik, Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte [Book Review] // The American Historical Review. 1938. Vol. 43. № 2. P. 343.*
9. *White H. Review of: Johann Gustav Droysen, Historik // History and Theory. 1980. Vol. 19. № 1.*
10. Ср.: *Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 312–316.*
11. Ср. уже упомянутую работу: *Мегилл А. Историческая эпистемология.*

ней традиции историков»¹². Как раз здесь Дройзену действительно «не повезло» с рецепцией¹³: текстов, специально посвященных Дройзену, на русском языке практически нет¹⁴. Возможно, специальные исследования истории российской историографии и исторической эпистемологии откроют со временем следы какого-то влияния Дройзена¹⁵. В настоящее время мы также не видим в российском контексте фактически никаких следов сколько-нибудь заметной рефлексии или хотя бы рецепции историки Дройзена¹⁶. Неудачи при вхождении Дройзена в постсоветский

12. Так же, видимо, обстоят дела и во французской истории историографии, ср.: *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012. С. 106.
13. *Савельева И.* Обретение метода // Дройзен И. Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 5–6.
14. К ним относится процитированное предисловие Ирины Савельевой к изданию «Историки» (ср. также: *Савельева И., Полетаев А.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 18. М.: URSS, 2007. С. 68–96; *Они же.* Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 2. С. 548–550, 614–616); текст Александра Козлова (*Козлов А.* Еще раз о месте Иоганна Густава Дройзена в немецкой историографии // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 7. Вып. 4. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. С. 224–243) интересен тем, что местами представляет собой реферативное изложение текста Хейдена Уайта (*White H.* Review of: Johann Gustav Droysen, *Historik*) и не упоминает наличие русского перевода «Историки».
15. В статье Юрия Васильева (*Васильев Ю. А.* Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // *Исторические записки.* 2016. № 2. С. 218–226) предпринимаются попытки провести некие аналогии между построениями Дройзена и взглядами ряда классических русских историков (Николая Кареева, Василия Ключевского, Александра Лаппо-Данилевского), но ни одного прямого случая их обращения к его работам здесь так и не указано. Густав Шпет в своих работах, посвященных философии истории и герменевтике, в ряде случаев критически адресует-ся к Дройзену (несколько таких мест указано в работе: *Щедрина Т.* Понятие «личность» в текстах Густава Шпета: аспекты значений и контексты употребления // *Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания.* М.: РОССПЭН, 2011. С. 69–89), однако этот вопрос требует исследования.
16. В порядке комментария к возможным причинам этого обстоятельства заметим, что Дройзен является не только теоретиком и методологом историографии, но и социальным теоретиком, что мы и попытаемся показать ниже на примере его теории институтов. В этом заключается особая метаспецифика историки Дройзена, на которую обращает внимание Хейден Уайт, говоря, что Дройзен — это «буржуазный» историограф (*White H.* Op. cit. P. 76), способный противостоять Марксу, и Ницше (и именно этим Уайт объясняет ренессанс интереса к Дройзену в ФРГ во второй половине XX века). Это означает, что в историке Дройзена заложено аф-

контекст начались, впрочем, с перевода его «Очерка историки» и курса лекций по «Энциклопедии и методологии истории», выпущенного в 2004 году. Издатели и редакторы этого русского перевода, сделанного по устаревшему изданию 1937 года Рудольфа Хюбнера (внука историка), никак не прокомментировали ни свой выбор этого издания, ни вопрос истории и современного состояния критической работы над текстами Дройзена. Восполним кратко этот пробел. Русский перевод «Очерка историки»¹⁷ в настоящей статье сверяется и при необходимости корректируется по стандартному на сегодняшний день критическому изданию Петера Лея¹⁸. «Очерк историки» представлен здесь первой рукописью 1857–1858 годов (в издании Хюбнера и, соответственно, русском переводе она представлена частично — первыми пятью параграфами) и последним авторизованным изданием 1882 года. Существует также расхождение по составу приложений к «Очерку»: в русском издании в качестве первого приложения¹⁹ напечатано также раннее методологическое разъяснение Дройзена ко второй части его «Истории эллинизма» («История диадохов», 1843). Этот

фирмативное отношение к буржуазному обществу модерна — в отличие от его критиков как слева, так и справа. Из этого вытекает, помимо прочего, позитивное отношение Дройзена к структурной ситуации «раздвоенности» этого общества, которая была эксплицирована Гегелем и во второй половине XX века еще раз отрефлексирована Иоахимом Риттером: *Ritter J. Hegel und die französische Revolution // Idem. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuauflage mit einem Nachwort von Odo Marquard. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2003. S. 183–233; ср.: Schweda M. Entzweiung und Kompensation. Joachim Ritters philosophische Theorie der modernen Welt. Freiburg; München, 2013; Куренной В., Румянцева М. Философия культуры Германа Люббе // Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: ИД ВШЭ, 2016. С. XIV–XIX; анализ теории историографии Дройзена с точки зрения проблематики раздвоенности и, соответственно, марксистской ее версии, известной как проблема «отчуждения», в развернутом виде дан Иреной Кольштрунк (*Kohlstrunk I. Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie*). Можно предположить, что историка Дройзена будет вытесняться любой версией историографии или теорией истории, в которой в том или ином виде присутствует критическое отторжение «буржуазного общества модерна». Соответственно, можно заключить, что в современной России, в отличие от послевоенной Германии, запрос на такого рода «буржуазную историю общества модерна» так и не сформировался.*

17. Дройзен И. Г. Очерк историки // Он же. Историка. С. 450–573.
18. Droysen J. G. Historik. Bd. 1: Rekonstruktion der ersten vollständigen Fassung der Vorlesungen (1857). Grundriß der Historik in der ersten handschriftlichen (1857/1858) und in der letzten gedruckten Fassung (1882).
19. Дройзен И. Г. Очерк историки. С. 505–525.

текст, получивший от Эриха Ротхакера заголовок «Теология истории», отсутствует в авторизованных изданиях «Очерка» по мотивам, изложенным автором в предисловии к первому изданию²⁰. В исследовательской литературе этот текст называется «Приватное предисловие» (*Privatvorrede*), поскольку в издании 1843 года он был напечатан лишь в нескольких экземплярах книги²¹. Также в издании Хюбнера и, соответственно, русском переводе в качестве заключительного приложения к «Очерку истории» помещена речь Дройзена, произнесенная им при вступлении в Берлинскую академию наук, — своеобразная научная автобиография Дройзена, являющаяся основой для последующих периодизаций его творчества²².

В первом томе немецкого критического издания 1977 года реконструирован первоначальный вариант лекций по «Энциклопедии и методологии истории» (1857), и в этой части его расхождение с изданием Хюбнера и, соответственно, русским переводом 2004 года²³ приобретает уже принципиальный характер. Особенность издания 1937 года состоит в том, что оно не соответствует современным стандартам текстологической работы:

Отвлекаясь от многочисленных и местами искажающих смысл ошибок передачи текста и более чем спорных вмешательств редактора, оно страдает прежде всего тем, что этот текст скопирован из различных вариантов записей лекций²⁴.

На 70% оно состоит из последней рукописи Дройзена к 1881 и 1882/1883 учебному году, в остальном же составлен из более ранних вариантов с добавлением фрагмента конспекта Фридриха Майнеке. Лей добавляет:

20. Дройзен И. Г. Очерк истории. С. 452.

21. Здесь сверяется по изданию: *Droysen J. G. Historik. Bd. 2. Teilbd. 2.1: Texte im Umkreis der Historik unter Berücksichtigung der Vorarbeiten von P. Leyh nach den Erstdrucken und Handschriften herausgegeben von H. W. Blanke. S. 225–245.*

22. Дройзен И. Г. Указ. соч. С. 574–580. Сверяется по изданию: *Droysen J. G. [Antrittsrede als neu eingetretenes Mitglied der philosophisch-historischen Klasse der Akademie] // Monatsberichte der Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Aus dem Jahre 1867. B.: Gedruckt in der Buchdruckerei der Königl. Akademie der Wissenschaften, 1868. S. 398–403.*

23. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории // Он же. Историка. С. 41–448.

24. *Leyh P. Vorwort des Herausgebers // Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. XV.*

Подобный подход является причиной различных искажений исторического, в особенности же политического и научного горизонта текста и анахронически возводит весьма значительные в некоторых случаях трансформации концепции историки Дройзена от состояния их исторической контингентности к видимости концептуальной гомогенности, которая опровергается провалами в смысловой линии текста, выстроенного тем же Хюбнером²⁵.

По этой причине мы не можем рекомендовать использовать существующее русское издание лекций «Энциклопедии» без привлечения немецкого критического издания. Добавим, что в рамках этой же серии немецких изданий Дройзена готовится к публикации (в двух томах) поздний цикл лекций (1879, 1881, 1882–1883). В рамках данной серии историко-критического издания «Историки» Хорстом Вальтером Бланке выпущен, кроме того, в двух полутомов сборник текстов Дройзена, проливающих свет на развитие его замысла историки²⁶, а также дополнительный том с биографическими и библиографическими материалами, включая избранную библиографию работ, посвященных Дройзену²⁷. Таким образом, работа по критическому изданию «Очерка» и лекций «Энциклопедии» идет уже не один десяток лет и все еще не завершена.

Фундаментальные особенности теории историографии

Прежде чем обратиться к основной проблематике настоящей статьи, сделаем несколько пояснений, касающихся ряда важнейших теоретических особенностей дройзеновской концепции историографии. «Очерк историки», представляющий собой рафинированный экстракт лекций по «Энциклопедии и методологии истории», которые Дройзен начиная с 1857 года читал на протяжении четверти века (всего курс лекций был прочитан 17 раз), Эрих Ротхакер назвал «самым гениальным введением в историческую науку из всех, что у нас есть»²⁸, а Хейден Уайт — «наиболее продуманной и систематической защитой автономии исторической мысли из тех, что когда-либо были предприняты»²⁹. Дройзен,

25. *Leyh P.* Vorwort des Herausgebers. S. XV.

26. *Droysen J. G.* Historik. Bd. 2. Teilbd. 2.1 und 2.2.

27. *Droysen Johann Gustav.* Historik. Supplementband.

28. *Хюбнер Р.* Предисловие издателя // Дройзен И. Г. Историка. С. 25.

29. Цит. по: *Мегилл А.* Историческая эпистемология. С. 286.

представитель второго поколения немецкой исторической школы, центральной фигурой которой со стороны собственно историков является Леопольд фон Ранке, выступает одновременно и как ее ключевой методолог: в его «Очерке историки» содержится «первая действительно осуществленная рефлексия метода, практиковавшегося в исторической школе»³⁰. При этом речь идет не только об экспликации собственно методологии, но, как отмечает Герберт Шнедельбах, полемизируя тем самым с философской традицией, отдающей здесь пальму первенства Вильгельму Дильтею, о полноценной теории познания историографии³¹. Иными словами, можно утверждать, что именно Дройзену, а не Дильтею принадлежит заслуга постановки задачи «критики исторического разума»³². Грандиозный теоретический замысел этого про-

30. Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. S. 71.

31. Замысел теории познания Дройзена относится не только к историографии в узком смысле слова. Он также осознал, что разрабатываемые им вопросы исторической эпистемологии связаны со всем спектром гуманитарных наук: «...многое указывает на то, что более глубоко обоснованное понятие истории будет центром тяжести, в котором ныне бесконечное колебание гуманитарных наук (*Geisteswissenschaften*) может получить непрерывность и возможность дальнейшего прогресса» (*Дройзен И. Г. Очерк историки*. С. 517). Заметим, что этот случай использования понятия *Geisteswissenschaften* имеет место у Дройзена в предисловии к последнему тому «Истории эллинизма» 1843 года, что позволяет считать его одним из ранних примеров его терминологического употребления.

32. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч.: В 6 т. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1. С. 395. Если говорить о проекте «критики исторического разума» Дильтея как эксплицитно ориентированном на формирование специфической теории познания гуманитарного знания (см.: Плотников Н. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000), то она, несомненно, является продолжением реализации задачи, сформулированной Дройзеном, причем Дройзен непосредственно ориентируется на образец критики разума Канта. В «Приватном предисловии» к третьему тому «Истории эллинизма» он, признавая за философией Канта значение «точки кристаллизации» (*Kristallisationspunkt*) по отношению к предшествующей философии «вольфианства и энциклопедистов», пишет: «Нам требуется такой, как Кант, который бы пересмотрел не исторические материалы, а теоретическое и практическое отношение к истории и в самой истории» (*Дройзен И. Г. Очерк историки*. С. 516). Для Дройзена значение Канта для теории познания историографии опосредовано, однако, Вильгельмом фон Гумбольдтом: «Если нам, немцам (ибо нам, похоже, выпала эта задача) удастся сформулировать историку, наукоучение истории (*eine Wissenschaftslehre der Geschichte*), то Гумбольдт должен быть назван ее основателем. У него, в его развитии кантовской философии, мы найдем плодо-

екта состоит в том, чтобы развить историю как теоретическую и методологическую систему, конгруэнтную по эпистемологическим возможностям своему предмету:

Наша задача требует постичь целое исторической науки в ее теоретической взаимосвязи, требует системы, которая по мере своего развития открывает сферу явлений, развивающихся в ходе истории³³.

Вступая в число членов Берлинской академии наук, Дройзен определяет необходимость такого систематического научно-философского обоснования истории требованием «научной легитимации (*wissenschaftliche Legitimation*) нашей науки»³⁴. Иными словами, историка Дройзена стремится разрешить задачу *философско-теоретического обоснования специфики и автономии исторической науки* — как по предмету, так и по методу. Это происходит в рамках полемического размежевания проекта автономной историографии Дройзена на трех основных фронтах: по отношению к искусству (здесь — скорее реликтовым образом), спекулятивной философии и позитивизму (точнее, по отношению к двум его разновидностям — программе «единой науки» в форме натуралистической модели позитивизма и той, которую можно назвать «позитивизмом источников»)³⁵. Если для Ранке и ранних пред-

носные семена нашей науки — так же, как из той же самой кантовской философии взросло дальнейшее развитие спекулятивных дисциплин» (*Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. 53*). Указанная обстоятельная работа Николая Плотникова обходит стороной связь проекта Дильтея с философией исторического познания Дройзена, что придает первому характер той исключительной новизны, каковым он все же не вполне обладал. Тем же отсутствием внимания к Дройзену в контексте анализа философии Дильтея страдает и мое собственное введение к работе Дильтея «Построение исторического мира в науках о духе» (*Куренной В. Предисловие редактора // Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собр. соч.: В 6 т. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. С. 11–34*). Данная статья стремится отчасти восполнить этот недостаток.

33. *Droysen J. G. Op. cit. S. 31.*

34. *Дройзен И. Г. Указ. соч. С. 577.*

35. С точки зрения максимизации установки на эмпирический опыт в работе с историческим материалом сам Дройзен, безусловно, может быть также отнесен к позитивистам. Однако позитивизм — сложное явление, имеющее различные модификации. Дройзен критикует натуралистическую форму позитивизма (отталкиваясь от позитивных фактов, строить объяснение по образцу естествознания), а также ту его разновидность, которую можно назвать «позитивизмом источников». Герберт Шнедельбах использует для ее характеристики термин «позитивизм наук о духе»

ставителей немецкого историзма особенно остро стоит вопрос размежевания со спекулятивной философией истории (а также все еще остро — по отношению к художественной литературе), то Дройзен имеет дело уже с оформившимися вариантами позитивистской историографии, ориентированными на натуралистическую модель познания (полемика с Генри Боклем посвящена его рецензия на «Историю цивилизации в Англии», являющаяся одним из приложений к «Очерку историки»). Поэтому его стратегия защиты автономии исторического и, шире, гуманитарного знания сохраняет здесь актуальность в той мере, в какой идея «единой науки» натуралистического типа также время от времени актуализируется.

Если говорить о содержательной специфике теории историографии Дройзена, то ее отличает ряд следующих моментов. Это *радикальный конструктивизм*, вытекающий из фундаментального положения Дройзена, формулировка которого заставляет вспомнить язык Парменида и Гераклита:

Данность исторического исследования — это не прошлое, ибо оно прошло, но лишь то из него, что еще сохранилось Сейчас

(на наш взгляд, не совсем удачный), характеризуя его следующим образом: это «оценочно-нейтральный сбор материалов и фактов независимо от их важности или неважности, который в то же время выступает с притязанием на научную объективность» (*Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. S. 51*). Этот позитивизм источников, сформировавшийся в Германии XIX века современные стандарты их исторической критики и публикации, отвергается Дройзеном постольку, поскольку он не считает, что мы можем считать работу историка завершенной, когда он собрал и критически рафинировал исторические источники. Для Дройзена эти источники должны быть затем также *поняты и интерпретированы*. Вопрос о взаимоотношении интерпретативной работы историков, способных дать целостный и интересный облик какой-то эпохи, и работа по сбору, критике и публикации огромного числа источников является структурной проблемой современной историографии. О внутреннем кризисе немецкой истории античности, к которому привело к концу XIX века последовательное накопление огромного числа собранных, подвергнутых критике и опубликованных исторических материалов, см., напр.: *Поле Р. Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890–1933) // Герменей. Журнал философских переводов. 2018. № 10. С. 49–51*. Затем мы встречаем эту проблему структурного несоответствия накопления массива эмпирических источников и способности или потребности в их интерпретации повсеместно, где речь идет об аккумуляции «больших данных», например геофизических: *Аронова Е. Геофизические датаскейпы холодной войны: политика и практики мировых центров данных // Логос. 2020. Т. 30. № 2. С. 67–68*.

и Здесь, — будь то воспоминания о том, что было и случилось, будь то остатки бывшего и случившегося³⁶.

Дройзен настаивает на том, что наше понимание прошлого всегда имеет относительный характер:

Это критическое воззрение заключается в том, что мы обладаем прошлым уже не непосредственно (*unmittelbar*), а лишь опосредованным образом, что минувшие времена мы можем реконструировать (*herstellen*) не «объективно», а лишь получить из «источников» некое понимание (*Auffassung*), некое представление, некий образ (*Gegenbild*) их, что так достигаемое и достигнутое понимание и представление — это и есть все, что нам возможно знать о прошлом, следовательно, что «история» является не внешней и реалистической, а может быть только опосредованно исследована и знаема — таков, по-видимому, должен быть исходный пункт, если мы стремимся прекратить заниматься натурализацией (*zu naturalisieren*) в истории³⁷.

Дройзен самым радикальным образом денатурализирует и развешествляет историю. Люди проживают не историю, а свои жизни. История — это конструкция, создаваемая историком:

Каждый мыслит и действует исходя из условий и задач, которые ставит перед ним его настоящее, в связи с тем идейным кругом, в котором он живет. Пожалуй, можно сказать так: то, что он мыслит, создает, делает — это его занятие (*Geschäft*), но это не *есть* история, ему только предстоит стать историей; и только для истории это занятие становится моментом континуальности становления; и только исходя из этой, совершенно иной точки зрения, [рассматривающей его как] ставшее и континуальное, его постигает исследование, которое тем самым в силах обрести опору в своего рода *пересекающихся* линиях, *твердых* точках³⁸.

Если, таким образом, считать Дройзена первым систематическим методологом современной историографии, то следует сказать, что она рождается как радикальный конструктивистский проект.

36. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 6). С. 461. Карл-Хайнц Шпилер называет эту формулировку «первым фундаментальным положением» истории Дройзена (*Spieler K.-H. Untersuchungen zu Johann Gustav Droysens "Historik"*. S. 44 ff).

37. Дройзен И. Г. Указ. соч. С. 567.

38. *Droysen J. G. Historik*. Bd. 1. S. 204; 208; ср.: Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 272.

Вторая особенность историки, вытекающая из первой, состоит в том, что Дройзен *релятивизирует* историческое знание, делает его относительным: мы не знаем и никогда не узнаем прошлое как некую непреложную данность, бессмысленны любые разговоры о том, что мы можем окончательно установить какой-то прошлый «факт». Эта мысль сквозным образом проходит через идею исторического познания Дройзена. Так, результатом исторической критики материалов становится «не „подлинный (*eigentliche*) исторический факт“, а то, что материал подготовлен для получения относительно точного и конкретного знания»³⁹. Иными словами, в любом случае «историческая истина является относительной (*das historisch Wahre ein Relatives ist*)»⁴⁰.

Релятивизация исторического принимает у Дройзена и более определенную форму, которую, выражаясь термином современных историков историографии⁴¹, следует определить как *презентизм*. Это довольно сложный сюжет, вскрывающий одно из фундаментальных расхождений Дройзена со всей традицией либеральной философии университета, требующей от университетской науки политической нейтральности⁴². Именно этот принцип выражает самая цитируемая, но при этом самая злосчастная с точки зрения ее понимания фраза Ранке:

Истории приписали обязанность (*Amt*) обращаться к прошлому, чтобы поучать современников на пользу будущего; но столь высокие обязанности настоящий опыт на себя не возлагает: он стремится только к тому, чтобы показать, как это, собственно, было⁴³.

39. Дройзен И. Г. Очерк историки (§ 36). С. 474.

40. Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. 61.

41. В рамках презентизма «история рассматривается не как познание объективной прошлой реальности, а как мысленная картина прошлого, создаваемая в настоящем и тем самым становящаяся частью этого настоящего. <...> Единственный источник познания прошлого — опять-таки субъективное сознание историка, то есть современность» (Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история. С. 541). Современные российские историки историографии, впрочем, прямо каким-то роковым образом упускают в своих исторических изысканиях Дройзена, приписывая появление этой позиции то американской традиции конца XIX — начала XX века (Там же), то лишь XX веку (ср.: Курилла И. История, или Прошлое в настоящем. С. 93 сл.).

42. См.: Куренной В. Философия либерального образования: принципы // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 26–27.

43. Von Ranke L. Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. 3. Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885 [1824]. S. VII.

Это отнюдь не показатель какого-то наивного объективизма Ранке, который якобы, как и другие «историки XIX века» (*sic!*), «исходил из тождественности истории как прошлой реальности и истории как знания о прошлом»⁴⁴, равно как и замечание о том, что из истории не стоит извлекать практические уроки⁴⁵, — в то время, когда Ранке пишет эти строки, такая позиция является тривиальной⁴⁶. Речь идет о том, что историк должен выполнять свою работу в рамках норм собственной науки, а не проводить какую-то моральную или политическую линию по отношению к описываемым явлениям. Эту миссию историка разъясняют, например, следующие слова Ранке из введения к курсу лекций по истории Нового времени:

Истинная история стремится к рассмотрению объективного; она должна возвышаться над любой партийной точкой зрения. По своей природе она содержит моральный и религиозный элемент. Но моральный элемент состоит не в том, чтобы всех и каждого оценивать и судить, исходя из предвзятых представлений; религиозный элемент состоит не в том, чтобы, так сказать, добиваться права на существование для одного особого вероисповедания, к которому принадлежит человек, принижая и умаляя все остальные. А в том, чтобы быть справедливым по отношению к любому моральному и религиозному существу. Служба (*Amt*) истории в следующем: познавать бессмертную душу человека и рассказывать о ее явлении на земле. Любое отбеливание несправедливости неприемлемо и его следует избегать; равно как неприемлемо продолжать плести паутину злобных страстей, которые переполняют нашу эпоху и идут по стопам человека. Поэтому самое важное — понимать позицию каждого, однако

44. Курилла И. История, или Прошлое в настоящем. С. 77.

45. Савельева И., Полетаев А. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен. С. 79.

46. Гегель, например, в своих лекциях по философии истории, которые читал в Берлине с 1822 года, не только иронизирует над «прагматической историей», в рамках которой «правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории», но и разъясняет, почему это невозможно: «...опыт и история учат нас, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» (Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб.: Наука, 1993. С. 61).

для этого [необходимо] исчерпывающее знание того, что его [определяет]⁴⁷.

Именно в этом вопросе Дройзен выступает непримиримым противником Ранке, так как выступает за «партийную науку», то есть является радикальным политическим презентистом:

Я хочу не большего, но и не меньшего, чем относительная истина *моей* точки зрения, какую позволяет иметь моя родина, мои религиозные и политические убеждения, моя эпоха. Историк должен иметь мужество признать эти границы, так как ограниченное и особенное богаче, чем всеобщее. Объективная беспартийность... бесчеловечна. Быть человеческим, напротив, означает быть партийным⁴⁸.

Подобная партийность не означает произвола (то есть мы имеем дело с ограниченным и контролируемым релятивизмом). Строгая ориентация на эмпирические данные, следование научным и методологическим процедурам, которые разрабатывает Дройзен, являются непреложными⁴⁹. Однако Дройзен — одновременно

47. *Von Ranke L.* [Einleitung zu einer Vorlesung über Neuere Geschichte. Geschichtswissenschaft und Parteienstandpunkt] // *Idem. Aus Werk und Nachlass / V. von Dotterweich, W. P. Fuchs (Hg.). München; Wien: R. Oldenbourg, 1975. Bd. IV. S. 294.*

48. *Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. 236.* Следствием презентизма Дройзена, реализуемого в его исторических исследованиях, был тот способ, каким эти работы воспринимались современниками с точки зрения актуальной политической повестки дня. Так, его исследования по истории эллинизма в контексте своей эпохи прочитывались как тексты, пропагандирующие идею политического объединения Германии вокруг Пруссии: «„Александр“ Дройзена (1833), — замечает Эрих Ротхакер, — доказывает право Пруссии на национальное лидерство» (*Rothacker E. Einleitung in die Geisteswissenschaften. 2. Aufl. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. S. 165; ср. также: Nippel W. Droysens “Hellenismus” — eine uneingelöste Ankündigung // Hardtwig W., Müller P. Die Vergangenheit der Weltgeschichte Universalhistorisches Denken in Berlin 1800–1933. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. S. 76–77; Rebenich S. Umgang mit toten Freunden — Droysen und das Altertum // “Die Ideale der Alten” Antikerezeption um 1800 / V. Rosenberger (Hg.). Stuttgart: Franz Steiner, 2008. S. 131–152.*

49. Герман Люббе различает в этой связи две плоскости исторической работы. В любой истории — будь то рассказ об истории нашей собственной жизни или же работа, написанная историком-специалистом, который может быть при этом и партийно-ангажированным, — неизбежно присутствует, согласно Люббе, момент презентизма, поскольку мы всегда зависим от «социальных, политических, культурных и, в конце концов, религиозных интеракционных контекстов». При этом «объективность как дей-

историк и политик — стремится сформулировать решение сложнейшей задачи «диалектического» опосредования научного исследования и практики⁵⁰ в рамках того, что он называет «историческим мировоззрением». Познание истории выполняет для Дройзена две практические задачи: дает нам свободу, обнажая контингентность нашей исторической определенности⁵¹, и одновременно, осознав это, позволяет нам принять свои собственные исторические ограничения и включиться в работу над созданием «нравственного мира»⁵². Главная задача историки, указывает он, состоит в том, чтобы

ствительно безусловный постулат для исторических актуализаций прошлого, стремящихся соблюдать научно-дисциплинарные нормы, имеет смысл только в рамках исследовательской методологии. Постулат объективности в рамках такой характеристики выполняется, поскольку формулируемые в ходе рецепции утверждения о том, что произошло (*was der Fall war*), являются хорошо обоснованными утверждениями с точки зрения правил обоснования исторических утверждений, действующих в данном сообществе ученых-специалистов». Такого рода рамки работы историка-специалиста Люббе называет «объективностью обоснования»: именно благодаря ей «мы — во всяком случае те из нас, кто является опытным читателем, — вполне можем изучать историю даже по историческим изложениям партийных историков, принадлежавших другим партиям» (Люббе Г. В ногу со временем. С. 187–188). Таким образом, можно сказать, что именно Дройзен впервые рефлексивует и структурирует это различие двух плоскостей исторической работы, сочетающей «объективность обоснования» исторического исследования и ангажированность позиции самого историка.

50. Подробнее см.: *Kohlstrunk I. Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie. S. 50 ff.*
51. «Историческое исследование предполагает размышление о том, что и содержание нашего Я есть многократно передаваемый, ставший исторический результат. <...> Наше знание есть прежде всего воспринятое, полученное по наследству, наше и как будто не наше. Оно есть следующий шаг на пути к свободному самоощущению и свободному распоряжению этим знанием» (Дройзен И. Г. Очерк историки (§ 19). С. 467).
52. Идея эмансипаторной миссии исторического исследования, определенная Дройзеном, затем многократно варьируется историками и теоретиками историографии. Вильгельм Дильтей сформулирует эту мысль следующим образом: «История делает нас свободными, поскольку она возвышает нас над возникающей по ходу течения нашей жизни обусловленностью воззрений на значение. Но одновременно значение теряет здесь свою определенность. Осмысление жизни делает нас глубокими, история свободными» (Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. С. 301). Современный историк науки Лоррейн Дагстон продолжает именно эту дройзеновскую традицию, когда говорит: «Без истории науки нельзя понять сегодняшнюю науку: почему она изучает то, что изучает, и теми (а не иными) способами, которыми она это делает, и почему она не из-

...осознать, что делает и что должна делать наша наука; она стремится пробудить убеждение, что человек может мыслить исторически и может научиться мыслить исторически; она хочет показать, в каких формах, в каком объеме используется этот образ мышления; она стремится осознать, что наша наука имеет своей основой и целью определенное мировоззрение, которое является и должно быть нормативным для определенной широкой области — для области нравственного мира, такое мировоззрение, благодаря которому мы в конце концов должны научиться понимать себя сами, чтобы с уверенностью взять на себя свою часть работы в великом труде человеческого рода⁵³.

Этот грандиозный замысел Дройзен лично воплотил в жизнь, поставив его также на службу объединения Германии вокруг Пруссии. Дройзен — один из наиболее значительных представителей немецкого национал-либерализма XIX века, «великий либеральный историк и либеральный делегат Франкфуртского парламента»⁵⁴. Объединение Германии в 1871 году можно считать реализацией главной политической идеи Дройзена — интеллектуального лидера так называемой борусской школы немецких историков⁵⁵ — о «немецком призвании Пруссии», сторонником и проводником которой он неизменно являлся. На примере Дройзена мы с полной отчетливостью видим, что некоторые немецкие историки в XIX века не только притязали на то, чтобы перенять у философов роль идейных теоретиков политики, но смогли реализовать себя в этом качестве. Во всей многообразной истории взаимоотношений мыслителей с реальной политикой Дройзен является, по-видимому, самой удачной фигурой: он ставил себе трудную, но достижимую политическую цель, которая была реализована при его жизни, причем наука и политика составляли для него единое целое. Однако позднее такое единство становится невозможным: доклад Макса Вебера «Наука как призвание

учает то, что не изучает. Без истории науки нельзя также понять, кто может или не может считаться ученым. В этом заключается освобождающая функция истории науки для науки настоящего. Она показывает контингентные элементы в развитии науки и тем самым предлагает альтернативные пути» (*Дастон Л.* О ценности коллективной работы и исследования практик. Интервью // *Логос.* 2020. Т. 30. № 2. С. 3).

53. *Droysen J. G. Historik.* Bd. 1. S. 64.

54. *Thornhill C. German Political Philosophy. The Metaphysics of Law.* N.Y.: Routledge, 2007. P. 140.

55. Помимо Дройзена, к борусской школе историков относятся Теодор Моммзен, Генрих фон Зибель и Генрих фон Трейчке.

и профессия» 1918 года⁵⁶ подводит отрицательный итог проекту Дройзена.

Дройзен — принципиальная фигура с точки зрения включения в методологию историографии *герменевтики*, процедуры понимания и интерпретации как необходимого элемента исторического исследования: «Сущность исторического метода состоит в том, чтобы, *исследуя, понимать (forschend zu verstehen)*»⁵⁷. В истории эволюции герменевтики от технической дисциплины к всеобъемлющей методологии гуманитарных наук (а далее — к универсальным философским теориям герменевтики) инновация Дройзена обычно связывается⁵⁸ с фундаментальным (в сравнении с герменевтической теорией Фридриха Шлейермахера) расширением поля герменевтического понимания и интерпретации. В эту область входят теперь не только тексты, но и все, «что сформировали дух и рука человека, что они вылепили, чего коснулись»⁵⁹. Впрочем, инновационность Дройзена в этом вопросе несколько преувеличена. Он следует за своим учителем — Августом Бёком, чья «Энциклопедия и методология филологических наук» послужила непосредственным образцом для его собственной «Энциклопедии». Август Бёк формулирует следующую принципиальную особенность своего научного проекта: «Филология *древности* содержит... в качестве *материала* познания всю совокупность исторических явлений древности»⁶⁰. «Вся совокупность исторических явлений древности» — это означает, что филология должна иметь дело не только с текстами, но и вообще со всеми древними артефактами. Эта позиция Бёка⁶¹, положившая, по сути, начало совре-

56. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.

57. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 8). С. 463. Карл-Хайнц Шпилер называет эту формулировку «вторым фундаментальным положением» истории Дройзена (*Spieler K.-H. Untersuchungen zu Johann Gustav Droysens "Historik"*. S. 114 ff).

58. Например: *Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933*. S. 150.

59. Дройзен И. Г. Указ. соч. (§ 7). С. 461.

60. Böckh A. *Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften* / E. Bratuschek (Hg.). Leipzig: Druck und Verlag von B.G.Teubner, 1877. S. 56.

61. Спустя полтора столетия после того, как Бёк закончил свой конспект «Энциклопедии», мы встречаем столь же широко понимаемую идею классической филологии, распространенной до понятия «античной культуры», в работе Сергея Радцига «Введение в классическую филологию»: «Автор настоящей книги в понимании сущности классической филологии не считает возможным ограничивать его кругом изучения языков и литературы, но в согласии с виднейшими представителями нашей и зарубежной науки включает в это понятие все стороны античной культуры,

менной «истории культуры»⁶², инициировала весьма продолжительный и ожесточенный спор с филологом Готфридом Германом, который в истории филологии называется *Sach- vs. Sprachphilologie*: «филология вещей» против «филологии слов»⁶³. Дройзену, который здесь находится на стороне своего учителя Бёка, тем не ме-

считая их взаимно связанными, и в соответствии с этим дает обзор главных дисциплин» (*Радциг С. Введение в классическую филологию*. М.: Издательство Московского университета, 1965. С. 5). (Благодарю Тимофея Дмитриева за указание на этот источник.)

62. В своем полемическом обсуждении «молодой» исторической дисциплины «истории культуры» Дройзен признается, что готов был бы признать в ней первенство работы Августа Бёка «Государственное хозяйство Афин» (1817), «если бы Бёк был склонен к тому, чтобы не ограничиваться одной только политической сферой» (*Droysen J. G. Historik*. Bd. 1. S. 381). Это высказывание, кстати, свидетельствует о том, что для Дройзена, как и для других представителей немецкого историзма, история никогда не ограничивалась политической историей (еще один расхожий предрассудок современной истории историографии), хотя многие из них предпочитали интересоваться именно ей, при этом именно Август Бёк может считаться автором идеи «всеобъемлющей истории культуры» (ср.: *Rebenich S. Umgang mit toten Freunden — Droysen und das Altertum*. S. 141). Современные историки не разделяют столь резкой критической позиции, как у Дройзена, усмотревшего в указанной работе Бёка лишь срез политической истории. Показательно здесь эмоциональное высказывание Томаса Пойса: «„Государственное хозяйство Афин“ — ужасно красивая книга (*ein schrecklich schönes Buch*). С одной стороны, это очень наглядно: сколько стоила овца, корова, лошадь, раб, корабль или военный корабль? Насколько, собственно, велика была Атика? Сколько зерна можно было там выращивать, сколько нужно было импортировать? Во все более узких и одновременно все более широких областях исследует Бёк хозяйственную жизнь и институциональную историю Афин. Это простые вопросы, на которые часто трудно ответить. Так, Бёк не обнаружил никаких подтверждений цены осла, а ведь такие вопросы имеют большое значение» (*Poiss T. Die unendliche Aufgabe. August Boeckh als Begründer des Philologischen Seminars // Die modernen Väter der Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts / A. M. Baertschi, C. G. King (Hg.)*. В.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2009. S. 58).
63. Спор «филологии вещей» и «филологии слов» хорошо изучен, подробнее см.: *Poiss T. Die unendliche Aufgabe* (с указанием на основную литературу); *Nippel W. Philologenstreit und Schulpolitik. Zur Kontroverse zwischen Gottfried Hermann und August Böckh // Geschichtsdiskurs*. Bd. 3: Die Epoche der Historisierung / W. Küttler et al. (Hg.). Fr.a.M.: Fischer, 1997. S. 244–253; *Тротман-Валлер С. Филология вещей или филология слов? История одного спора и его сегодняшние продолжения // Новое литературное обозрение*. 2009. № 2. С. 28–41. Как справедливо указывает Тротман-Валлер, этот спор может быть экстраполирован на неожиданно широкий круг современных дискуссий, воспроизводящих его базовую структуру.

нее принадлежит заслуга выведения «филологии вещей» за пределы классической филологии и расширения сферы понимания и интерпретации на всю совокупность человеческих артефактов и действий, включаемых в область исторического исследования.

В историке Дройзена содержится не только расширение предметной области герменевтики, но также развитие самой проблематики понимания, которая может рассматриваться как прототип универсальных концепций философской герменевтики XX века (фундаментальная герменевтика Мартина Хайдеггера и т. д.). В ряде формулировок понимание вырастает у Дройзена до антропологического аспекта человеческого бытия, выходящего за любые пределы ограниченных задач познания. Теодор Шидер говорит в связи с этим о «возвышении основного акта исторического мышления [то есть понимания] до фундаментального элемента человеческой экзистенции»⁶⁴. В подтверждение этой характеристики здесь обычно приводится следующее место из реконструкции Рудольфа Хюбнера⁶⁵:

Понимание есть самый человеческий акт человеческой сущности, и всякая подлинно человеческая деятельность заключается в понимании, ищет понимания, находит понимание. Понимание есть самая интимная связь между людьми и основа всякого нравственного бытия⁶⁶.

В издании Петера Лея намного больший акцент сделан на языке как медиуме человеческой интерсубъективности:

Именно в языке человек обретает возможность выйти из уединения своей внутренней жизни. <...> И только в этой общности, в этом общении индивидуальность обретает свое сознание⁶⁷.

Таким образом, Дройзен расширяет сферу герменевтики и интерпретации не только в предметной, но и в экзистенциально-антропологической сфере, связывая основную экзистенциальную специфику человека с областью языка.

64. Schieder T. *Geschichte als Wissenschaft. Eine Einführung*. München; Wien: Oldenbourg, 1965. S. 37 (цит. по: Spieler K.-H. *Untersuchungen zu Johann Gustav Droysens "Historik"*. S. 123).

65. То есть для его верификации придется дождаться публикации поздней версии лекций Дройзена.

66. Дройзен И. Г. *Энциклопедия и методология истории*. С. 70.

67. Droysen J. G. *Historik*. Bd. 1. S. 26.

Отношение к Гегелю

Герменевтическая составляющая историки Дройзена в значительной мере определяется тем, что он выстраивает ее, опираясь на две основные фигуры, с одной из которых он связан непосредственно — это его учитель Август Бёк, тогда как с другой он связан опосредованно, через внимательное изучение доступных ему публикаций — это Вильгельм фон Гумбольдт. Однако есть еще один источник влияния, который в аспекте темы институциональной теории Дройзена, пожалуй, наиболее важен, — Гегель. Для представителя герменевтического историзма это довольно неожиданно. Полемика со спекулятивной философией в лице прежде всего Гегеля является конститутивной для формирования идентичности немецкой исторической школы как таковой⁶⁸. Однако у Дройзена отношение к Гегелю существенно меняется. Во время обучения в Берлинском университете он был его лояльным слушателем⁶⁹ и в дальнейшем в значительно меньшей степени, чем старшие представители исторической школы, был оппозиционно настроен в отношении гегелевской философии. Он, разумеется, критически оценивает значение «Философии истории» Гегеля, указывая, что она представляет собой лишь «экземплификацию логики»⁷⁰. Но при этом — хотя и в ослабленном виде субъективного регулятивного ориентира — возвращается к телеологической трактовке всемирной истории («Тайна всякого движения есть его цель», стержнем которой является свобода: «Пульс жизни исторического движения есть свобода»⁷¹). Этот телеологический вектор, правда, теряет свою однозначную определенность необходимого поступательного движения к конечной цели: «цель целей» исто-

68. «Отказ от априорного конструирования мировой истории есть как бы ее [исторической школы] свидетельство о рождении» (*Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 1988. С. 248); «Представители исторической школы были самыми значительными и явными противниками Гегеля» (*Rothacker E. Einleitung in die Geisteswissenschaften*. S. 41).

69. Во время своего обучения в Берлине в 1826–1829 годах Дройзен находился под определяющим влиянием Августа Бёка, но при этом посещал все основные лекционные курсы Гегеля (*Rothacker E. Einleitung in die Geisteswissenschaften*. S. 170). Кристоф Пфлаум указывает, что Дройзен слушал Гегеля во время каждого из шести учебных семестров, проведенных в Берлине (*Pflaum C. D. J. G. Droysens Historik in ihrer Bedeutung für die moderne Geschichtswissenschaft*. S. 4).

70. *Дройзен И. Г. Очерк историки*. С. 516.

71. Там же (§ 46, 75). С. 480, 489.

рии, замечает Дройзен, нельзя «эмпирически исследовать», а это означает, что она находится по ту сторону возможностей истории как науки, ибо «наука истории есть результат эмпирического восприятия, опыта и исследования»⁷². Мы не можем знать конечную цель истории, но можем лишь — в обход собственно научных процедур — предугадывать направление ее течения. Дройзен осуществляет своего рода радикальную редукцию любых трансцендентных масштабов исторического развития — в конечном счете любая оценка прошлого определяется не какой-то абсолютной мерой, но исходит из «здесь и сейчас»:

Только в общем воззрении истории как развития человечества можно получить для отдельных формообразований (*Gestaltungen*), народов, культур, государств, индивидов их подлинное значение; даже то, что прекрасно, истинно, справедливо, благородно, не есть над временем и пространством, а имеет свою меру и энергию в том, что оно является как бы спроецированным на Здесь и Сейчас⁷³.

Представление о цели целей становится результатом деятельного усилия и напряжения «убогого, эфемерного, фрагментарного бытия» ограниченной человеческой субъективности⁷⁴. Движение «всемирной истории» тем самым утрачивает гегелевскую определенность не только в смысле вектора, но и в смысле однородности своего течения. Дройзен прибегает к метафоре неоднородного, илламинарного, как выразился бы Герман Люббе⁷⁵, потока, направление которого можно угадать, рискуя при этом впасть в заблуждение, лишь в общих чертах:

...эта общая жизнь человечества есть непрерывный поток — в тысячекратном кружении волн и водовороте есть *некое* направление, по которому текут все воды, быстрее или замедленно⁷⁶.

72. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 4, 81). С. 460, 491.

73. Там же. С. 524.

74. Там же (§ 81). С. 491.

75. Ср.: «В отличие от реальных потоков, которые дарят нам метафору о потоке истории, с расстоянием от источника скорость течения не падает, а возрастает, и вместе с этим снижается ламинарность, то есть равнонаправленность течения. Скорости поступательного движения дифференцируются. Возникают водовороты, где нет движения вперед, а только вращение на месте, в омуты вообще все стоит недвижно, и здесь развивается и преуспевает то, что может развиваться и преуспевать только в состоянии покоя» (Люббе Г. В ногу со временем. С. 28).

76. Дройзен И. Г. Указ. соч. С. 525.

Этот поток может оставлять «после себя по берегам стоячие лужи и болотца», в нем нет никакого «одновременного» развития всех форм человеческой деятельности⁷⁷. Тем самым у нас отсутствует возможность установить шкалу исторического прогресса, мы лишь понимаем, что находимся в процессе грандиозного исторического свершения, в котором история становится органом самопознания человечества:

История есть путь осознания (*das Bewußtwerden*) и сознание человечества относительно самого себя. Эпохи истории являются не возрастом этого Я человечества, — эмпирически мы не знаем, стареет ли оно или молодеет, знаем только одно: что оно не остается таким, каким оно было или есть — а стадиями его становления, миропознания, познания Бога⁷⁸.

Теория государства

Отказ от неприятия гегелевской философии позволяет Дройзену воспользоваться центральной для гегелевской политической философии категорией «нравственного мира» (*die sittliche Welt*)⁷⁹: «нравственный мир», согласно Дройзену, и есть подлинный предмет истории⁸⁰. Для Гегеля нравственный мир, включающий в себя институты семьи и гражданского общества, достигает своей полной разумной объективации в государственных институтах⁸¹. Дройзен также наделяет особым статусом институт государства, но по основанию не его исключительной разумности, а лишь необыкновенной комплексности — это «самый сложный из организмов нравственных сил»⁸². Остановимся несколько более раз-

77. Дройзен И. Г. Очерк истории. С. 525.

78. Там же (§ 83). С. 492.

79. В той интерпретации, которую дает этой категории Дройзен, следует, на наш взгляд, считать, что на первый план выходит не моральная семантика этого понятия (*Sittlichkeit* — нравственность, мораль), а более элементарный семантический момент привычного поведения (*Sitte* — нравы, обычаи).

80. Только к «нравственному миру» «полностью приложимо понятие истории» (Дройзен И. Г. Указ. соч. (§ 3). С. 460); «Область исторического метода есть космос нравственного мира» (Там же (§ 45). С. 480); «Всю совокупность материала, подходящего для [применения] исторического метода, мы можем в общем виде назвать нравственным миром» (Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. 61).

81. «Нравственный мир» — это «государство, разум» (Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 47).

82. Дройзен И. Г. Указ. соч. (§ 93). С. 499.

вернуто на его теории государства — в силу ее высокой, как мы постараемся показать, значимости для современной социальной и политической теории.

Дройзен выступает как сторонник сильного государства — эта мысль является осевой для всех его исторических работ. Государство есть «публичная власть для защиты людей и отпора врага». Однако сильное государство для него вовсе не означает «государства грубого насилия»⁸³. В этой связи он вводит фундаментальное понятийное различие, которое будет затем играть важнейшую роль в социологии и политической теории XX века. Позднее Макс Вебер терминологически оформит это различие как противопоставление «власти» (*Macht*), основанной на возможности прямого применения насилия, и «господства» (*Herrschaft*) как легитимной власти, основанной на добровольном повиновении⁸⁴. Дройзен, в свою очередь, исходящий из того, что государство должно быть также и максимумом реализации свободы индивида, указывает: «Чем суровее форма государства, тем у него больше насилия (*Gewalt*), а не власти (*Macht*), тем беднее оно свободой»⁸⁵. Можно при этом заметить, что в XX веке более употребительна все же терминологическая пара Дройзена, а не Вебера⁸⁶. Здесь же Дройзен вводит и прототип веберовской дефиниции государства как монополиста «легитимного насилия»⁸⁷, то есть «господства» в терминологии Вебера или «власти» в терминологии Дройзена:

Только государство имеет полномочия и обязанности быть властью. Там, где место власти занимает право, благосостояние, общество, даже церковь, народ, община, сущность государства либо еще не найдена, либо потеряна в процессе деградации⁸⁸.

Власть является квинтэссенцией государства, его, если выразить это в терминологии Никласа Лумана, универсальным коммуникативным кодом:

83. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 374.

84. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. М.: ИД ВШЭ, 2016. Т. 1: Социология. С. 109–110 (§ 16).

85. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 71). С. 488.

86. Ср., в частности: Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001; Arendt H. On Violence. N.Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1970.

87. Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 645.

88. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 71). С. 488.

В жизни государства и государств власть есть таким образом главное, как любовь в сфере семьи, вера в сфере церкви, прекрасное в сфере искусства и т. д. В мире политики действует закон власти, как в физическом мире — закон тяготения⁸⁹.

У Дройзена государство, основанное на власти, а не на насилии, помимо функций внешней и внутренней защиты граждан, выполняет роль единственного арбитра, способного нейтрализовать все прочие институциональные конфликты (конфликты гражданско-общества):

Чем свободнее и более жизнестойкая государственная идея, тем очевиднее проявляется то обстоятельство, что государство есть всеобщий примиритель нравственных сфер, ведя с ними неустанно переговоры, полемизируя и заставляя их вести полемику между собой. На это способна и годится только идея власти. Ибо только она по своей сути равнодушна к материальной стороне любой особой сферы, если при этом не затрагивается власть. Только государство может быть терпимым в делах религии, может быть одинаково справедливым к бедным и богатым в суде, может быть спокойным в конкурентной борьбе материальной жизни⁹⁰.

Эта мысль Дройзена позднее воспроизводится Карлом Шмиттом в форме теории государства как механизма, посредством своей техники управления нейтрализующего политическую конфликтность в ключевых общественных сферах⁹¹. Таким образом, теория государства Дройзена проявляется в ряде ключевых социальных и политических теорий XX века.

Институциональная теория

Центральное для исторической теории Дройзена понятие «нравственного мира» и образующих его «нравственных общностей» (*die sittliche Gemeinsamkeiten*), или «нравственных сил», следует рассматривать как непосредственное концептуальное предвосхищение реинтерпретации гегелевского понятия «объективный дух»

89. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 71). С. 487.

90. Он же. Энциклопедия и методология истории. С. 376.

91. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. 2001. № 2. С. 48–58.

у Вильгельма Дильтея⁹². Выступая как депотенцированные⁹³ концепты спекулятивной системы Гегеля, эти понятия сами, в свою очередь, депотенцированы в современном понятии «института», в той форме, в какой оно — с различными вариациями — используется в современной философии и социальной теории. Так как для Дройзена «нравственный мир» в его становлении и росте и есть в собственном смысле предмет истории как науки, то мы беремся утверждать, что концепция истории Дройзена есть полноценно развернутая институциональная теория. Тем самым мы развиваем и уточняем тезис Ирены Кольштрунк, что теория историографии Дройзена претендует и на роль «теории общества»⁹⁴. Историка Дройзена — это не только теория и методология исто-

92. Дильтей определяет «объективный дух» следующим образом: «Под объективным духом я понимаю многообразные формы, в которых общность, существующая между индивидами, объективировалась в чувственном мире. В этом объективном духе прошлое есть для нас устойчиво длящееся настоящее» (*Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе. С. 256). О специфике понятия «объективный дух» у Дильтея см.: *Куренной В.* Предисловие редактора // Дильтей В. Указ. соч. С. 17–19; *Плотников Н.* Жизнь и история. С. 173–174.

93. Понятие «депотенцирование» заимствуется здесь у Одо Маркварда, который, в свою очередь, заимствует его у Шеллинга, придавая ему новый смысл. Марквард понимает под «депотенцированием» превращение элементов сложных философских систем прошлого (в его случае — натурфилософии Шеллинга) в понятия современных теорий (в его случае — психоанализа) после прохождения своеобразного процесса «расколдования». В общем виде этот процесс можно определить как частичное заимствование из философских концепций прошлого отдельных элементов, которые приобретают новые дискурсивно-теоретические функции в рамках какой-то новой философско-теоретической концепции, или же такую реинтерпретацию этих элементов, которая позволяет придать им эмпирическое или специализированное дисциплинарное содержание. Справедливое наблюдение Маркварда заключается также в том, что эти элементы, даже будучи присвоены новыми дисциплинами, которые утрачивают представление об их философско-теоретических истоках, продолжают быть привлекательными для «исторически-покорной современной философии» (*Marquard O.* Transzendentaler Idealismus, Romantische Naturphilosophie, Psychoanalyse. Köln: Verlag für Philosophie Jürgen Dinter, 1987. S. 2). Так, понятие «институт», которое, как было отмечено в начале нашей статьи, превратилось в исторического беспризорника в современных дисциплинарных разновидностях институциональной теории, продолжает тематизироваться современными философами или философствующими теоретиками-интерпретаторами (*Сёрл Дж.* Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5–27; *Bloor D.* Wittgenstein, Rules and Institutions. L.; N.Y.: Routledge, 1997; и др.).

94. *Kohlstrunk I.* Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie. S. 3.

риографии, но и самостоятельная теория общества, более того, как будет уточнено ниже, теория общества модерна. Рассмотрим, каким образом теория «нравственного мира» Дройзена соответствует современному пониманию институтов в его наиболее формально-теоретическом виде.

Если исходить из выработанных в современной философии и социальной теории способов теоретической концептуализации института, то его можно определить как коллективно или интерсубъективно разделяемую и признаваемую⁹⁵ типизированную⁹⁶ форму поведения или практику⁹⁷ в широком смысле слова

95. Ср. определение института у Витгенштейна: «Невозможно, чтобы правило следовало только один человек, и всего лишь однажды. Не может быть, чтобы лишь однажды делалось сообщение, давалось или понималось задание и т. д. Следовать правилу, делать сообщение, давать задание, играть партию в шахматы — все это *практики* (применения, институты)» (*Витгенштейн Л.* Философские исследования (§ 199) // Филос. раб. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 162).
96. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт. Что здесь следует подчеркнуть, так это взаимность институциональных типизаций и типичность не только действий, но и деятелей в институтах. Типизации опривыченных действий, составляющих институты, всегда разделяются; они доступны для понимания всех членов определенной социальной группы, и сам институт типизирует как индивидуальных деятелей, так и индивидуальные действия» (*Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 92).
97. В данном случае мы опираемся на одну из традиций институциональной теории, в рамках которой институт — это структура, конституирующая практики и поведение, дистанцируясь от трактовки институтов в терминах «ценностей» (хотя в определениях институтов как систем «ценностей», безусловно, обнаруживается прямой депотенцированный реликт нормативно-этического аспекта понятия «нравственный мир» Гегеля). Такое дистанцирование обусловлено прежде всего современным состоянием исследований «ценностей», которые широко практикуются в опривыченных методах социологии (то есть исследованиях, ориентированных на речевое поведение), что, на наш взгляд, ведет к явному или неявному отождествлению поведенческих практик и речевого поведения как практики особого рода. В порядке философско-теоретического обоснования нашего выбора мы можем сослаться, например, на Людвиг Витгенштейна, который отличает правило как «практику» и правило как «интерпретацию», то есть как артикулированное выражение правила в речевом поведении, каковое на деле всегда есть лишь «замена одного выражения правила другим» (*Витгенштейн Л.* Указ. соч. (§ 201). С. 163). Конститутивный характер институциональной практики у Витгенштейна в ее отличии от речевой «интерпретации» выражен следующим образом: «...,следование

(включая языковое поведение), связанную с моментом осознания (или, по крайней мере, ощущения) обязательности или нормативности⁹⁸ этого типа поведения, в рамках которого формируется система ролей или статусов⁹⁹. Институты возникают в ходе интеракций между людьми¹⁰⁰ и позволяют редуцировать неопределенность возможных типов поведения (как в отношении себя, так

правилу⁶ — некая практика. Полагать же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу» (*Витгенштейн Л.* Философские исследования (§ 201). С. 163). Скептический аргумент следования правилу, который формулируется Витгенштейном в данном контексте («...ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом» (Там же)), представляет собой, на наш взгляд, не логическую проблему, а выражение крайнего сомнения Витгенштейна в наличии и даже принципиальной возможности установления какой-то определенной связи между использованием языка как институциональной практикой *sui generis* и всеми прочими формами институционального образа действий и практик. Подобный скептицизм Витгенштейна определяется, как мы можем предположить, трактовкой языка как тотального медиума, мимо которого у нас нет способа независимого рассмотрения в том числе неязыковых человеческих практик.

98. Ср. у Толкотта Парсонса: «Институты или институциональные схемы... это главный аспект социальной структуры в самом общем ее понимании. Это нормативные модели, которые определяют, что в данном обществе считается должным, законным или ожидаемым образом действия или социального взаимоотношения» (*Парсонс Т.* Мотивация экономической деятельности // Он же. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 334).
99. Ср. также четыре признака института согласно Джону Сёрлу: «Чтобы задать вопрос, обозначает ли некое слово *W* институт, необходимо задать по крайней мере четыре следующих вопроса: 1. Определяется ли *W* набором конститутивных правил? 2. Определяют ли эти правила статусные функции, которые коллективно признаются и принимаются? 3. Осуществимы ли эти статусные функции лишь благодаря коллективному признанию и принятию, а не благодаря исключительно независимым от наблюдателя свойствам ситуации? 4. Содержат ли статусные функции признанные и принятые деонтические полномочия?» (*Сёрл Дж.* Что такое институт? С. 24). Указание на то, чтобы институт определялся конститутивными, а не регулятивными правилами (типа «следует поступать так-то»), разъясняется Сёрлом как требование того, чтобы институциональное поведение представляло реальную практику: «Конститутивные правила не регулируют, а, скорее, *конструируют* само поведение, которое ими регулируются» (Там же. С. 14). Тем самым Сёрл следует определению Витгенштейна: институты — это не то, что говорят, а то, что поступают.
100. Типизированные формы поведения, не рассчитанные на интеракции с другими людьми, которые в порядке мыслительного эксперимента можно приписать человеку (случай Робинзона), называются привычками.

и в отношении других), которая возникает в силу того, что человеческое поведение как таковое является недоопределенным на инстинктивно-биологическом уровне¹⁰¹. Последнее означает, что наличие институтов — это сущностный признак человека: «человеческая природа — [это] социокультурная переменная»¹⁰². Поясним теперь, какие элементы современной институциональной теории были определены Дройзенем в его теории «нравственного мира» и «нравственных общностей».

Дройзен возводит свое понятие «нравственной общности» к тому месту «Политики», где Аристотель, указывая на полисный характер человеческого существа, говорит следующее:

А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством¹⁰³.

Дройзен, однако, расширяет узкий горизонт антропологической теории Аристотеля: сущность человеческой природы как таковой связана не только с полисом, но и со всем ансамблем многообразных институтов «нравственного мира». Человек нуждается в «нравственных общностях» в силу «слабости и беспомощности своего естественного бытия», то есть из-за ограниченности, недоопределенности своего естественно-биологического существа: «Только в нравственных общностях он станет тем, чем он становится и должен быть»¹⁰⁴; «только благодаря им люди являются людьми, и не ранее, чем они появились»¹⁰⁵, — или, повторяя определение Питера Бергера и Томаса Лукмана, можно сказать, что сущность человека реализуется лишь в системе институтов, выступающих как «социокультурная» переменная его «природы». Эта институциональная природа человека является коллективной или коммуникативно-интерсубъективной, человек становится тем, чем он есть, в той мере, в какой его понимают другие люди:

101. Бергер и Лукман повторяют это общее место немецкой философской антропологии XX века, указывая, что потребность в типизации и габитуализации, ведущая к разгрузке от бремени неопределенности и выбора, есть следствие «ненаправленной инстинктуальной структуры человека» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 90).

102. Там же. С. 83.

103. Цит. по: Аристотель. Политика (1253а 27–29) // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

104. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 305.

105. Там же. С. 271.

Человек, каков он есть по своим задаткам, становится целостностью в себе только в понимании (*Verstehen*) других, в ходе понимания (*in dem Verstandenwerden*) другими, в нравственных общностях¹⁰⁶.

Институты обладают для человека характером обязательности и нормативности:

Эти общности властвуют над нами как нравственные силы, мы чувствуем их власть над нами, примирая их с нашим чувством самоопределения, познавая их как нравственный долг¹⁰⁷.

Именно в нравственных силах «заложена воспитательная сила истории»¹⁰⁸. У Дройзена же мы можем обнаружить и фундамент институциональной теории Бронислава Малиновского, основанной на идее института как организованной формы удовлетворения «потребностей». Именно классификация потребностей, формирующих «нравственные общности», структуру которых мы рассмотрим ниже, является у Дройзена основной для его типологии институтов:

Эти общности вследствие чувственно-духовной природы человека возникают либо из его естественных, либо из его идеальных потребностей, либо они представляют собой нечто среднее между ними, либо они родились из тех и других одновременно¹⁰⁹.

Последний тип институтов — это «практические общности». При этом Дройзен, как затем и Малиновский, указывает, что, институционализовавшись, то есть обретя характер «нравственной общности», потребности приобретают и качественно новый характер организованной деятельности, — по сути, собственный онтологический статус — благодаря своему «нравственному» качеству¹¹⁰.

106. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 12). С. 464.

107. Он же. Энциклопедия и методология истории. С. 305.

108. Он же. Очерк истории (§ 55). С. 483.

109. Там же (§ 56). С. 484.

110. В данном контексте понятие «нравственного» у Дройзена соответствует понятию целесообразного, сформулированного и артикулированного характера любых организованных институциональных форм у Малиновского: «...любая организация людей создается ради достижения некоторой цели, признанной самими этими людьми и обществом в целом» (Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГУ, 2005. С. 49).

Не потребность (*Bedürfnis*) в пропитании, размножении, самосохранении, — таковая есть и у животного, — а то, что эта потребность сразу же претворяется в нравственные формы семьи, труда, права и государства, учреждает эти отношения, превращая их в нравственные силы¹¹¹.

Это также соответствует концепции Малиновского, где институты приобретают статус «реальных обособленных единиц организованного поведения»¹¹². Однако при этом Дройзен отдает себе отчет в том, что эта институциональная онтология является конструкцией, ретроспективно создаваемой историком. В горизонте субъективного самосознания самих участников исторического процесса такой сущности, как «нравственные» институты, не существует, то, с чем они имеют дело, есть лишь сложная и лишенная ясно осознанной определенности структура индивидуальных и социальных интеракций: «Нравственный мир в любом своем неустанно движущемся настоящем есть бесконечный клубок сделок, социальных порядков, интересов, конфликтов, страстей и т. д.»¹¹³. Участвующие в этих интеракциях агенты вовсе не имеют в виду, что они вершат историю, участвуя в жизни институтов; у них совершенно иные мотивы действий, которые преобразуются лишь благодаря историку и историческому способу рассмотрения: «Лишь определенный образ созерцания последующих поколений „делает из юридических и торговых сделок историю“»¹¹⁴.

Динамика институтов общества модерна

Рассмотрим теперь институциональную теорию Дройзена также с содержательной точки зрения. Наш тезис здесь заключается в том, что она представляет собой не только и не столько формальную типологию предметной области историографии, но и полноценную, при этом весьма оригинальную теорию модерна — Дройзен и здесь выступает как последовательный презентист¹¹⁵. Восприняв философию модерна Гегеля, он реструктури-

111. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 306.

112. Малиновский Б. Указ. соч. С. 52.

113. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 45). С. 480.

114. Там же.

115. Иными словами, описывая систему институтов «нравственного мира», Дройзен проецирует на историю в целом ее определенное состояние — состояние буржуазного общества модерна. Ирена Кольштрунк описывает эту особенность теории общества Дройзена не в терминах презентизма (с которыми, пожалуй, сам он вполне бы согласился), а в терминах сво-

ровал ее таким образом, чтобы создать не замкнутую на момент настоящего жесткую телеологическую систему, но открытую теорию, объясняющую перманентную динамику современного мира.

В своем понимании истории как «космоса нравственного мира» Дройзен, с одной стороны, также опирается на систематику гегелевской системы, с другой стороны, существенным образом ее модифицирует, исходя из внутренних фундаментальных особенностей собственной философии истории, основанной на различии природы, которую мы объясняем, и истории, которую мы понимаем. «Нравственный мир» как предмет истории, то есть «сообразно его формам», включает, согласно Дройзену, три типа общностей (*Gemeinsamkeiten*) — «естественные», «идеальные» и «практические»¹¹⁶. Естественные общности — семья, соседство, племя, народ; идеальные — речь и язык («первая и самая непосредственная» идеальная общность¹¹⁷), прекрасное и искусства, истинное и науки, святое и религии¹¹⁸; практические — сферы общества, благосостояния, права, власти (то есть, за исключением семьи, отнесенной Дройзеном к «естественным» общностям, речь идет о структурах «объективного духа» Гегеля — право, гражданское общество (подразделено у Дройзена на сферу общества и экономики) и государство).

Естественные (или природные) общности складываются под спонтанным стремлением людей к объединению и «душевному содружеству»¹¹⁹ — их основой является прямое телесное соприкосновение друг рядом с другом (они «зависимы от телесности») — и определяют человека «субстанциальным образом»¹²⁰. Выбирая термин «естественные» для этих общностей, Дройзен в сфере истории ставит их ближе всего к природе, к человеческому естеству. Но при этом он энергично и остроумно отказывается считать собственно природные факторы значимой причиной истории человеческих сообществ, то есть отвергает идею геогра-

его рода натурализации и абсолютизации современности, которая распространяется Дройзеном на все другие исторические эпохи: «Дройзен блокирует себе полный обзор историчности мнимо естественных структур человеческого общества и в тенденции подвержен опасности абсолютизации современного исторического состояния» (*Kohlstrunk I. Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie*. S. 85).

116. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 55). С. 483 слл.

117. Он же. Энциклопедия и методология истории. С. 327.

118. То есть, за исключением речи и языков, речь идет о трех структурах «абсолютного духа» Гегеля — эстетики, религии и философии.

119. Дройзен И. Г. Очерк истории (§ 57). С. 484.

120. Он же. Энциклопедия и методология истории. С. 307.

фической и климатической детерминации истории тех или иных сообществ, которая играет большую роль, например, у Иоганна Гердера:

Не американский девственный лес превратил индейца в охотника, а потому что тот больше всего любил охотиться, он не прорубал просеки в лесу, не учился обрабатывать землю¹²¹.

У Дройзена мы можем обнаружить целый арсенал аргументов, направленных против всевозможных версий географического детерминизма. Все эти общности, начиная с семьи, которая является одновременно «и самой простой человеческой общностью, и самой совершенной, совершенной настолько, что все иное может быть заключено в ней», вырабатывают формы «нравственного бытия», но происходит это не в силу естественных и телесных факторов, а благодаря «серьезному волеию, любви, долгу, верности»¹²². Последняя формулировка показывает, что в теории институтов Дройзена заложен также прототип правового институционализма в смысле Мориса Ориу, указывавшего в качестве ключевого фактора появления институтов наличие волевого момента в форме «направляющей идеи» (*idée directrice*) института¹²³. Естественные общности представляют собой систему надстроенных друг над другом целостностей, обладающих признаком тотальности и постоянства: «...главное здесь есть непрерывность, покой, субстанциональная определенность, уверенность, что это верно и так будет всегда». Резюмируя эту ключевую особенность естественных общностей, Дройзен употребляет довольно экзотический даже по меркам немецкой теоретической лексики термин *Zuständigkeit*, который можно передать выражением «устойчивая определенность порядка»¹²⁴: «здесь господствует тип *устойчи-*

121. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 308.

122. Там же. С. 310, 311.

123. Ориу М. Основы публичного права. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929.

124. В существующем русском переводе Дройзена весь терминологический строй в этой части его работ существенно деформирован. Понятие *Zuständigkeit* не получило при переводе закрепления в форме подходящего устойчивого термина, как это необходимо сделать в случае ключевого понятия, и передается самым разным образом — как «распорядительность», «институциональность» и т. п. Это не только не позволяет уверенно следовать за ходом мысли Дройзена, но и приводит к искажению смысла. Например, полностью выхолощен смысл ключевой формулировки § 77 «Очерка истории», которая сейчас выглядит так: «Всякое движение в историческом мире происходит благодаря тому, что из ин-

вой определенности порядка»¹²⁵. Их отличительной особенностью является также солидарность и единодушие, что, помимо прочего, не дает обнаружиться в них индивидуальной свободе:

В... сфере естественных общностей свобода еще была связана, спрятана под субстанциональной природой нравственных отношений, которые сложились в этой сфере. В естественных общностях индивидуум был лишь их членом, как рука, нога лишь при этом теле являются рукой, ногой. Но целое было единством, имманентным всем единичным моментам: духу семьи, народа и т. д.¹²⁶

Идеальные общности являются прямой противоположностью естественных:

ституциональностей развивается идеальный аналог, *идея*, каковыми они должны быть, *характеры*, исполненные этой идеей, осуществляют его» (Дройзен И. Г. Очерк истории. С. 490). Речь же идет тут о следующем: «Любое движение в историческом мире осуществляется тогда, когда, отталкиваясь от *устойчивых определенностей порядка*, развивается идеальный, противопоставленный им образ, *мысль* о том, каковыми они должны быть, а *характеры*, преисполненные этой мыслью, воплощают их в действительность» (“Alle Bewegung in der geschichtlichen Welt vollzieht sich, indem aus den *Zuständlichkeiten* sich das ideale Gegenbild, der *Gedanke*, wie sie sein sollten, entwickelt, *Charaktere*, von demselben erfüllt, sie verwirklichen” (Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. 442)). Иными словами, то, что описывается Дройзеном как процесс революционизирующего слома устойчивой определенности порядка, происходящего благодаря почерпнутым в сфере «идеальных общностей» нормативных идей, становится в переводе неким естественным развитием самого этого порядка.

125. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 353. Перевод уточнен по: Droysen J. G. Op. cit. S. 337. Здесь и далее выделение шрифтом восстановлено по изданию П. Лея.

126. Там же. С. 355. Положение Дройзена о единстве, господствующем в естественных общностях и тем самым отличающих их от практических и идеальных общностей, является очевидным прототипом теории «механической солидарности» Эмиля Дюркгейма, которую последний определяет также как «солидарность по сходствам» (Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 77). Такого рода солидарность характерна для примитивных обществ и противопоставляется у Дюркгейма «органической солидарности» более сложных обществ, основанных на разделении труда и, соответственно, позволяющих индивиду высвободиться из полного подчинения «коллективному сознанию». Теория типов общностей Дройзена, однако, обладает большей эвристической продуктивностью в силу следующего ясного в настоящее время преимущества: она не выстраивает эти типы общности в прямую линию прогрессирующего замещения одного типа другим, но признает их темпоральное существование в обществах модерна.

В идеальных, духовных в своей основе общностях прекрасного, истинного, святого душа человека, отдавая и получая наискроветнейшее, становится свободной от своей границы и малости, и внутренний свет озаряет ее¹²⁷.

Если естественным общностям свойственно постоянство, то для этой сферы, напротив, характерна неограниченная динамика движения вперед:

Важным здесь является непрерывность, подвижность и изящество духовного; удовольствие непрерывного стремления, блаженство все новых вопросов, задач и целей. Отличительным признаком такого идеального мира является непрерывное *стремление вперед (Vorwärts)*¹²⁸.

Отличительная особенность идеальных общностей, по Дройзену, в том, что они могут существовать, не образуя организацию или учреждение: «организованная форма (*das Anstaltliche*) не является реальной основой идеальных общностей», хотя эти общности и могут быть связаны с подобными организациями¹²⁹. Это означает, что наука может существовать без школ и университетов, искусство — без художественных академий, а религия — без церковной организации. Идеальные общности выступают и как носители норм, которые движут историческими изменениями, а также являются источником критики. Однако общая особенность как естественных, так и идеальных общностей заключается в том, что внутри себя они бесконфликтны¹³⁰, в них отсутствует то, что Дройзен называет «ограничением» (*Schranke*)¹³¹, наличие которого только и дает возможность реализоваться свободе в собственном смысле слова, а не только свободе в смысле неограниченного полета мысли или художественного воображения, как в идеальной сфере. Области естественного и идеального также сходятся в том, что в обоих случаях они определенным образом связыва-

127. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 326.

128. Там же. С. 353.

129. Там же. С. 326. В существующем русском переводе понятие *Anstaltlichkeit* также передается как «институциональность», что стирает сущностное различие между институтами, имеющими и не имеющими организованной формы учреждения. Поэтому в переводе здесь следует использовать другой термин — в данном случае это «организованная форма».

130. Бесконфликтными идеальными общностями являются до тех пор, пока не связаны с организованными формами, то есть пока не приобретают форму учреждений, организаций и т. д.

131. В существующем русском переводе — «граница».

ют человеческий род и индивида: благодаря естественным общностям, «которые в основном обязаны своим возникновением моменту размножения», род обновляется и продолжается в индивидах; благодаря идеальным общностям индивиды воспринимают наследие рода, их задача — «наполнить их тем, что есть у рода общего и обретенного (процесс воспитания и образования)»¹³².

Между этими двумя типами общностей располагается третий тип — практический: это и есть «*подлинная арена исторической борьбы*, где в любой момент проявляется и уместна вся суровость себялюбия, страстей, интересов»¹³³. И здесь ход мысли Дройзена становится настолько примечательным, что мы позволим себе привести развернутую цитату, уточнив вместе с тем ее существующий русский перевод:

... в идеальных сферах было, конечно, полнейшее самоопределение духа. В священные моменты, когда индивидуум жил целиком во власти этих идей истинного, святого, он чувствовал себя бесконечно свободным в себе. Но сущность свободы требовала большего, а не только прекраснотушия бесконечных чувств и тихого пожатия руки единоклюшной восторженности. И точно так же, как в этих идеальных сферах идут вперед к созданию произведений, к организованным формам и т. п., точно так же становится очевидным, что лишь с ограничения начинается проверка и испытание на прочность свободы.

Это ограничение встречается в реалистических сферах на каждом шагу. Оно заключается в равной свободе других, которую приходится признавать, в общности всех, которой вынуждены подчиняться, желают они того или нет. Общность, которая имеет место здесь, не такова, как в естественных сферах, где царит любовь и равное чувство целого, и не такова, как в идеальных сферах, где царит упоение равного стремления, приумножение и приток сил в ходе соперничества тех, кто воодушевлен

132. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 306. Здесь Дройзен воспроизводит близкое к Гердеру представление об «идеальной» сфере как втором — наряду с природой — генетическом коде человеческого рода, передающемся в процессе воспитания и образования: «...воспитание человеческого рода — это процесс и генетический, и органический — благодаря усвоению и применению переданного. Мы можем как угодно называть этот генезис человека во втором смысле, мы можем назвать его *культурой*, то есть возделыванием почвы, а можем вспомнить образ света и назвать *просвещением*, тогда цепь культуры и просвещения протянется до самых краев земли» (Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 230).

133. Там же. С. 352.

одной идеей, — здесь царят препятствия и докучная необходимость, здесь один лишается того, что достается другому; чего один пытается достичь, то одновременно вызывает зависть другого. Именно здесь, где существует постоянная опасность того, что власть, интерес, формальное право угрожают истинной свободе, то есть правам других нравственных сфер; и все же человек, чтобы быть ко всем им причастным, не должен служить и следовать только одной нравственной сфере. Тогда бы началась *bellum omnium contra omnes*, если бы в нравственной власти общностей не было заложено принудительного ограничения. И, подчиняясь общему, самоопределяющийся дух обретает то, что составляет отличие свободы от произвола, становится свободной волей, одновременно распознавая во внешних ограничениях свою меру и сущность. Разумная воля разумна постольку, поскольку она познает как таковые нормы нравственной идеи, которым она подчиняется, и признает их не потому, что они являются законом извне, а потому, что она признала их как справедливые и благие.

Таким образом, здесь, под контролем реального мира, свобода достигает своей полной нравственной силы, а в ее стихии вырабатывается конкретный тип разумного самоопределения, то есть личность, характер¹³⁴.

В этих разъяснениях характера практических общностей нравственного мира обнаруживается несколько интересных исторических моментов. Совершенно очевидно, что Дройзен здесь особым образом адаптирует не только теорию объективного духа Гегеля, но также, как мы теперь можем сказать, все основные базовые особенности его теории модерна как теории «раздвоенности»¹³⁵.

134. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 355–356. Перевод уточнен по: *Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. 340–341.*

135. Концептуальный аппарат концепции «раздвоенности» модерна широко используется Иреной Кольштрунк в ее анализе теории общества Дройзена (*Kohlstrunk I. Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie*). Аффирмативное отношение Дройзена к «буржуазному» обществу модерна можно зафиксировать и так, как это сделано у Хейдена Уайта, — с помощью критической риторики: «Фактически „Историка“ Дройзена представляет собой не что иное, как экспликацию теоретических принципов буржуазной идеологии в ее национально-индустриальной фазе. С этой точки зрения она может быть рассмотрена как учебник по производству буржуазной идеологии в постреволюционную эпоху. <...> Говоря языком современной критической теории, Дройзен показывает, каким образом определенный вид „писательской активности“, в данном случае — написание истории, может производить определенный тип читающего субъекта, который будет отождествлять себя с нравственным универсумом,

Пока индивид сам тождественен себе и не находится в состоянии конфликта с другими, — как это имеет место и в естественных, и в идеальных институтах, — он не свободен в собственном смысле слова. Свобода возникает лишь тогда, когда возникает ситуация конфликта, когда необходимо разграничить с другими людьми права и возможности таким образом, чтобы свобода выступила в форме свободного же самоограничения. Принципиально здесь также то, что, только оказавшись в системе практических общностей, человек обретает свободу и самостоятельность потому, что он не может полностью идентифицироваться ни с одной своей институциональной ролью, — именно этот эффект является также одной из фундаментальных особенностей теории модерна Гегеля, который получает негативную оценку у Маркса в виде критики феномена «отчуждения» и позитивную оценку в правой гегельянской традиции¹³⁶. В системе практических общностей человек причастен всем им и в то же время «не должен служить и следовать только одной нравственной сфере». Именно эта ситуация постоянной причастности множеству институтов, находящихся, кроме того, в состоянии конфликта между собой, парадоксальным образом служит условием того, что человек обретает возможность индивидуации, то есть может стать «личностью».

воплощенном в „Законе“ общества, которое политически организовано как национальное государство, а экономически — как часть международной системы производства и обмена» (*White H. Review of: Johann Gustav Droysen, Historik. P. 76–77*). Различие между позицией Кольштрунк (и нашей) и позицией Уайта состоит в том, что последний видит в тексте «Историки» набор приемов историографии (которая включает и рефлексию Дройзена по поводу различных модусов изложения истории), тогда как, с нашей точки зрения, в нем заключена теория общества, созданная на основе осмысления структур буржуазного общества модерна и презентистски опрокинутая на исторический процесс в целом.

136. Ср. у Дильтея: «Судья, наряду со своей судебной функцией, включен в различные иные комплексы воздействий. Он действует в интересах своей семьи, он должен быть включен в некоторое экономическое свершение, он выполняет свои политические функции и при этом, возможно, пишет еще и стихи. Тем самым индивиды не включены в комплекс воздействий во всей своей целостности, но среди многообразия отношений воздействия связаны друг с другом только те процессы, которые принадлежат определенной системе, и при этом отдельное лицо включено в различные комплексы воздействий» (*Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. С. 214; ср.: Он же. Введение в науки о духе. С. 365*). Аффирмативная оценка феномена отчуждения развита, в частности, Арнольдом Геленом в работе «Мораль и гипермораль: Плюралистическая этика» (*Gehlen A. Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik. Fr.a.M.; Bonn: Athenäum, 1969*).

Если мы примем во внимание эту неочевидную теоретическую связь исторической теории Дройзена с философией модерна Гегеля, то можем сделать следующий вывод: историческая теория институтов Дройзена является, в действительности, теорией институтов модерна, отличенных от институтов традиционного общества, то есть в его терминологии — естественных институтов.

Естественные институты не сменяются и не отмирают, но продолжают сосуществовать с институтами современности, поддерживая тем самым позднейшую репутацию модерна как «одновременности разновременного» (Герман Люббе, Юрген Хабермас). Это понимание резистентности традиционных институтов по отношению к условиям современности ставит теорию Дройзена не только в исключительно несвоевременное положение по отношению к господствующим теоретическим воззрениям своего времени, но также к разного рода современным прогрессистским теориям «модернизации»¹³⁷. При этом характеристики, которые он дает своим «естественным общностям», вполне соответствуют хрестоматийным для современной социологии определениям специфических особенностей традиционного общества, основанного преимущественно на трансляции того, что стало привычным и авторитетным¹³⁸:

137. В отношении которых социальные теоретики продолжают вести неустанную борьбу (например: *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006. С. 143 сл.), что, впрочем, не делает эту борьбу менее тривиальной в исторической перспективе, чем те теории наивной модернизации, против которых она ведется.

138. Ср. у Макса Вебера определение традиционного типа социального действия: «Строго традиционное поведение... целиком и полностью находится на границе, а часто за границей того, что вообще можно назвать ориентированным по смыслу действием. Ибо часто речь идет только о бессознательном реагировании на привычные раздражители согласно когда-то усвоенной установке»; традиционного господства: «Господство называется традиционным, если его легитимность опирается на веру в святость пришедших из прошлых времен („издревле существующих“) порядков и господских прав. Господин (или господа) также определяется согласно издавна существующим правилам» (*Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. С. 84, 264). И в том и в другом случае ключевым признаком «традиционности» является их циклическая повторяемость. Характерно, что Вебер ставит тип традиционного поведения на периферийную границу социального действия как такового, как Дройзен ставит «естественные общности» на границу истории — ввиду их близости к природе. В языке Дройзена превращение института в привычный означает обретение им стагнационного качества устойчивой определенности порядка, и это служит сигналом к тому, что настало время подвергнуть его критике: «Как только эти идеи претворяются

В сущности естественных общностей заключается то, что всякое молодое поколение наследовало, вновь используя, от своих старших их знание, опыт, трудовые навыки, которые те в свое время приобрели путем учебы и опыта¹³⁹.

В свою очередь, то, что он называет идеальными общностями, также представляет собой исключительно модерновое преломление функций идейной сферы в широком смысле слова. Эта сфера выступает у Дройзена как источник нормативных требований, в соответствии с которыми должны преобразовываться общественные институты модерна, как источник их критики и рефлексии, принуждающий институциональные порядки к постоянным изменениям. Подобные функции, разумеется, никоим образом не характерны для идейной сферы традиционного общества. Таким образом, Дройзен, определяя структуру исторического мира в целом, ориентируется в действительности на структуру, которая в полном виде конституируется только в обществе модерна. Этот тезис можно подтвердить и тем, как он осмысляет проблему динамики институтов.

Как было указано выше, сфера естественных общностей типологически определяется им как наиболее устойчивая по своей сути — в ней господствует «устойчивая определенность порядка». В качестве «диалектической» противоположности по отношению к этой устойчивости, всегда характеризующей традиционные естественные общности, выступают общности идеальные — резервуар норм и критической рефлексии. «Реальным» полем, в котором оба эти полюса сталкиваются в «диалектической» борьбе, является область практических институтов, то есть собственно институтов модерна. Им свойственна следующая примечательная тенденция:

Во всех сферах, о которых здесь идет речь: государство, право и т. д., — есть неустанное стремление к устойчивой определенности порядка, то есть к тому, чтобы претвориться в максимально твердые, связующие формы, чтобы дать им, насколько возможно, образ естественной субстанциональной нравственности¹⁴⁰.

в жизнь, они превращаются в новые порядки, затем входят в привычку и становятся инертными и неподвижными и тем самым снова требуют критики, таким образом процесс повторяется все снова и снова» (*Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 386*).

139. Там же. С. 308–309.

140. Там же. С. 353. Перевод уточнен. — В. К.

Таким образом, эти институты испытывают своего рода нелегитимное в контексте модерна стремление стабилизироваться по образцу институтов традиционного общества. Дройзен приводит следующие примеры таких тенденций:

Сообщество труда, в котором коренятся сословия, приходит к пониманию благородства и неблагородства как расовому различию; так что между ними не может иметь место даже бракосочетание; государственное сообщество сразу же старается сформулировать национальность, исходя из понятия государства, таким образом натурализоваться¹⁴¹.

Этой тенденции к обретению устойчивой определенности порядка препятствуют — и должны препятствовать — «идеальные общности», выступающие как инстанция критики и нормативной рефлексии. Они требуют — в полном соответствии с логикой модерна — неизменного движения вперед, обновления и изменения:

... столь же мощно, как тяга к устойчивой определенности порядка, обнаруживается здесь тяга к царству идеального. В каждый момент идеи истинного, доброго, прекрасного всегда претендуют на то, чтобы быть настоящим содержанием этого реального мира, стать в нем осуществленными и признанными. И в той мере, как развивается тяга к устойчивой определенности порядка, высвобождаются идеальные факторы, выступая против уже возникшего, увещевая, требуя, не давая покоя; они не успокоятся до тех пор, пока не проникнут снова в порядки, не пройдут их насквозь и не изменят их¹⁴².

Тем самым Дройзен производит примечательную операцию: диалектическая модель Гегеля утрачивает у него присущую ей в самой системе Гегеля неизбежную завершенность в моменте «здесь и сейчас». И тем самым она размыкается в величественную картину процесса модерна как перманентного обновления институтов, стремящихся к обретению устойчивой определенности порядка:

... любая из сфер, едва достигнув устойчивой определенности порядка, переходит в стагнацию. Но поскольку ее истина есть не покой постоянства, а непрерывность движения, не непрерывное развертывание установленного природой закона, который, меняясь, сохраняется, а диалектика противоположного в себе, которое, сохраняясь, неустанно меняется, то есть которое чув-

141. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 353–354.

142. Там же. С. 354. Перевод уточнен. — В. К.

ствуется противоречие в себе, примиряется с ним и в своем приращении обновляет его, чтобы затем его снова сгладить¹⁴³.

Наконец, Дройзен — в полном согласии с практической философией Аристотеля — выступает как теоретик золотой середины и философ здравого смысла. Два полярных момента, которые объединяет в себе модерн, — традиционное по своему характеру стремление к окостенению институциональных порядков и разрушающая любую фактическую институциональную определенность нормативная критика, — представляют собой крайности. Ни та ни другая в своем предельном выражении не принадлежат к историческому миру. Только в том случае, если они находятся в состоянии постоянного напряженного взаимодействия на поле процесса модерна, возникает их динамический баланс сил:

Это трудное, но бесконечно важное понимание того обстоятельства, что в тех сферах, о которых мы говорим, здоровое начало не допускает чрезмерности ни того ни другого, напротив, идеальное находит смысл только в реальном бытии, реальность же только в идеальном содержании. Как отдельный человек имеет нравственную задачу своего существования не в эмансипации плоти, не в аскетизме и самоистязании, а в том, чтобы быть свежим, здоровым и сильным душой и телом и готовым творить всяческое добро. Кто же сетует на весьма сильные трения действительности, кто не понимает, что борьба и шум действительного мира бесконечно содержательнее и оказывает более освежающее воздействие, чем любая тихая и устойчивая определенность порядка или скучные китайские тени идеалов, тот слишком молод, либо слишком стар для исторического мира¹⁴⁴.

Проведенный анализ позволяет нам заключить, что в теории институтов Дройзена мы имеем дело с оригинальным обновлением и развитием философии «раздвоенного» модерна Гегеля. Дройзен является автором нетривиальной теории общества, изложенной при этом в развернутой систематической связанности. Его типология теории институтов во многом намечает структурирование проблематики модерна в современной философской и социальной теории. Она включает в себя три основных раздела: традиционные институты, институты собственно модерна и инсти-

143. Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории. С. 354. Перевод уточнен. — В. К.

144. Там же. Перевод уточнен по: *Droysen J. G. Historik. Bd. 1. S. 337–339*. Ср. также: *Он же. Очерк истории (§ 77–78). С. 490*.

туты рефлексии и критики. Распознав в последних мощнейший и перманентный потенциал дезорганизации институтов модерна, Дройзен в значительной степени предвосхищает проблематизацию инстанций критики и рефлексии как у левых представителей Франкфуртской школы, так и у таких консервативных авторов, как Арнольд Гелен и Гельмут Шельски¹⁴⁵. Однако Дройзен избегает здесь как крайности первых, когда критика достигает своего лишнего всякого отношения к реальности апофеоза в рамках «критики ради критики» Теодора Адорно, так и крайности вторых, согласно которой, как полагал Гелен, рефлексия оказывается той критической кислотой, что, разъедая институты модерна, в конечном счете угрожает и самому существованию человека как институционального существа.

Модерн предстает у Дройзена как процесс, в котором собственно модерновые институты (общества, экономики, права и государства) представляют собой динамический баланс двух противоположных сил — консервативно-традиционной, стремящейся стабилизировать, а тем самым и привести к стагнации эти институты в виде устойчиво организованных форм и подвижной «идеальной» сферы рефлексии, которая неустанно обрушивается с нормативной критикой на любую устойчивую определенность порядка. Дройзену удалось сформулировать теорию модерна, ясно понимающую наличие в нем двух имманентных ему, но при этом равным образом обращенных против него же тенденций. Это, с одной стороны, традиционалистская тенденция, подталкивающая институты модерна к стагнации и стабилизации в форме «устойчивой определенности порядка». С другой стороны, это «идеалистическая» тенденция рефлексии и критики, которая выступает не только как территория побега из реальности, где господствуют «скучные китайские тени идеалов», но, будучи резервуаром перманентной критики любой институциональной реальности, угрожает, как мы бы теперь добавили, распадом всякой институциональной определенности под натиском бесконечных нормативно-критических требований построения лучшего мира. Но Дройзен

145. О различии взглядов Гелена и Шельски на проблему институтов см. статью Люббе «Институционализация рефлексии: Гельмут Шельски как критик Арнольда Гелена» (*Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln: Styria, 1989. S. 334–350*); о теории институтов Гелена: *Руткевич А. Теория институтов А. Гелена // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 435–465.*

не только ясно диагностирует наличие этих двух тенденций, угрожающих процессу модерна, но и определяет условия, при которых процесс модерна может поддерживать себя, не впадая в ту или другую крайность, под угрозой которых он всегда находится.

Из перспективы последующей интеллектуальной истории эксплицированная здесь теория институциональной динамики модерна Дройзена неожиданным образом оказывается связанной с одним из крупных споров второй половины XX века — полемикой против «универсальных притязаний герменевтики». Она была начата Юргеном Хабермасом¹⁴⁶, который попытался ограничить заявленный Хансом-Георгом Гадамером «универсальный аспект герменевтики» целым спектром различных аргументов (герменевтика восстанавливает значение авторитета, ограничивает поле действия рефлексии, язык легитимирует насилие, психоанализ и критическая теория (критика идеологии), нацеленные на решение практических задач терапии и эмансипации, не могут быть включены в сферу притязаний герменевтики и др.)¹⁴⁷. Как мы видим, Дройзен, одна из ключевых фигур в современной истории герменевтики, неожиданно оказывается заочным, но значимым участником этой дискуссии. Его позиция в этом споре состоит в том, что общество модерна является нормально функционирующим только в том случае, если институты, возникнув, стремятся к стабилизации, но, порожденные духом «идеальной» критики прежних институциональных порядков, никогда не могут ее достичь, не приходя в противоречие с силами, их породившими, что обрекает их на неизбежное обновление. Дройзен не предлагает нам ответа на вопрос, что случится, если институциональная динамика общества не выдержит

146. *Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Hermeneutik und Dialektik. Hans-Georg Gadamer zum 70. Geburtstag / R. Bubner et al. (Hg.). Tübingen: Mohr, 1970. Bd. I. S. 73–103.*

147. Затем дискуссия расширила круг участников; все ее ключевые реплики, включая реакцию Гадамера, собраны в одном сборнике: *Apel K.-O. et al. Theorie-Diskussion. Hermeneutik und Ideologiekritik. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1971. Анализ некоторых аспектов этой полемики см. в: Гайденко П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Респубблика, 1997. С. 438 слл. Вопрос об универсальных притязаниях герменевтики в различных аспектах неоднократно обсуждался и позднее, ср.: *Grondin J. Georg Misch und die Universalität der Hermeneutik: Logik oder Rhetorik? // Dilthey-Jahrbuch für Philosophie und Geschichte der Geisteswissenschaften. 1997–1998. Bd. 11. S. 48–63; Angehrn E. Die Grenzen des Verstehens und der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Rechtswissenschaft und Hermeneutik: Kongress der Schweizerischen Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie, 16. und 17. Mai 2008, Universität Zürich / M. Senn, B. Fritsch (Hg.). Stuttgart: Franz Steiner, 2009. S. 143–153.**

этого динамического баланса, породив, например, общество «застоя» или же не имея возможности реализовать волю новых институтов к необходимой мере устойчивости. Однако накопившийся с тех пор исторический опыт свидетельствует, скорее, в пользу того, что у таких обществ нет длительных исторических перспектив.

Библиография

- Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
- Аронова Е. Геофизические датаскейпы холодной войны: политика и практики мировых центров данных // Логос. 2020. Т. 30. № 2.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
- Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015.
- Васильев Ю. А. Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Исторические записки. 2016. № 2. С. 218–226.
- Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1: Социология.
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Филос. раб. М.: Гнозис, 1994. Ч. I.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
- Гайденок П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.
- Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб.: Наука, 1993.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
- Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- Дастон Л. О ценности коллективной работы и исследования практик. Интервью // Логос. 2020. Т. 30. № 2.
- Демин И. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017.
- Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: НЛО, 2012.
- Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч.: В 6 т. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. Т. 1.
- Дройзен И. Г. Очерк истории // Дройзен И. Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 450–573.
- Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории // Он же. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 41–448.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Козлов А. Еще раз о месте Иоганна Густава Дройзена в немецкой историографии // Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Вып. 4. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. С. 224–243.
- Куренной В. Предисловие редактора // Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собр. соч.: В 6 т. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. С. 11–34.

- Куренной В. Философия либерального образования: принципы // Вопросы образования. 2020. № 1.
- Куренной В., Румянцева М. Философия культуры Германа Люббе // Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.
- Курилла И. История, или Прошлое в настоящем. 2-е изд. СПб.: ЕУСПб, 2018.
- Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.
- Луман Н. Власть. М.: Практис, 2001.
- Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГУ, 2005.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007.
- Ориу М. Основы публичного права. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929.
- Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // Он же. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000.
- Плотников Н. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Поле Р. Платон как воспитатель. Платоновский ренессанс и антимодернизм в Германии (1890–1933) // Гермения: Журнал философских переводов. 2018. № 10. С. 27–65.
- Радциг С. Введение в классическую филологию. М.: Издательство Московского университета, 1965.
- Руткевич А. Теория институтов А. Гелена // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 435–465.
- Савельева И. Обретение метода // Дройзен И. Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. СПб.: Наука, 2006. Т. 2.
- Савельева И., Полетаев А. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 18. М.: URSS, 2007. С. 68–96.
- Сёрл Дж. Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5–27.
- Тротман-Валлер С. Филология вещей или филология слов? История одного спора и его сегодняшние продолжения // Новое литературное обозрение. 2009. № 2. С. 28–41.
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.
- Хюбнер Р. Предисловие издателя // Дройзен И. Г. Историка. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. 2001. № 2. С. 48–58.
- Щедрина Т. Понятие «личность» в текстах Густава Шпета: аспекты значений и контексты употребления // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. М.: РОССПЭН, 2011. С. 69–89.
- Angehrn E. Die Grenzen des Verstehens und der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Rechtswissenschaft und Hermeneutik: Kongress der Schweizerischen Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie, 16. und 17. Mai 2008, Universität Zürich / M. Senn, B. Fritschi (Hg.). Stuttgart: Franz Steiner, 2009. S. 143–153.

- Apel K.-O., v. Bormann C., Bubner R., Gadamer H.-G., Giegel H. J., Habermas J. Theorie-Diskussion. Hermeneutik und Ideologiekritik. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1971.
- Arendt H. On Violence. N.Y.: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1970.
- Assis A. A. What is History for? Johann Gustav Droysen and the Functions of Historiography. 2nd ed. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2016.
- Bloor D. Wittgenstein, Rules and Institutions. L.; N.Y.: Routledge, 1997.
- Böckh A. Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften / E. Bratuschek (Hg.). Leipzig: Druck und Verlag von B.G.Teubner, 1877.
- Droysen J. G. [Antrittsrede als neu eingetretenes Mitglied der philosophisch-historischen Klasse der Akademie] // Monatsberichte der Königlichen Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Aus dem Jahre 1867. B.: Gedruckt in der Buchdruckerei der Königl. Akademie der Wissenschaften, 1868. S. 398–403.
- Droysen J. G. Historik. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh. Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — holzboog, 1977. Bd. 1.
- Droysen J. G. Privatvorrede // Idem. Historik. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh und Horst Walter Blanke. Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — holzboog, 2007. Bd. 2. Teilbd. 2.1. S. 225–245.
- Droysen J. G. Historik. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh und Horst Walter Blanke. Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — holzboog, 2008. Supplementband. S. 204–235.
- Droysen J. G. Outline of the Principles of History. With a Biographical Sketch of the Author / E. B. Andrews (trans.). Boston: Ginn & Company, 1897.
- Dubiel H. Institution // Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler / J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel (Hg.). Basel u. a.: Schwabe, 1976. Bd. 4. S. 418–424.
- Gehlen. A Moral and Hypermoral. Eine pluralistische Ethik. Fr.a.M.; Bonn: Athenäum, 1969.
- Grondin J. Georg Misch und die Universalität der Hermeneutik: Logik oder Rhetorik? // Dilthey-Jahrbuch für Philosophie und Geschichte der Geisteswissenschaften. 1997–1998. Bd. 11. S. 48–63.
- Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik // Hermeneutik und Dialektik. Hans-Georg Gadamer zum 70. Geburtstag / R. Bubner, K. Cramer, R. Wiehl (Hg.). Tübingen: Mohr, 1970. Bd. I. S. 73–103.
- Johann Gustav Droysen: Philosophie und Politik — Historie und Philologie / S. Rebenich, H.-U. Wiemer (Hg.). Fr.a.m.; N.Y.: Campus, 2012.
- Kohlstrunk I. Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie. Eine Analyse von Genese und Konstitutionsprinzipien seiner "Historik" (Frankfurter Historische Abhandlungen. Bd. 23). Wiesbaden: Franz Steiner, 1980.
- Leyh P. Vorwort des Herausgebers // Droysen J. G. Historik. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh und Horst Walter Blanke. Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — holzboog, 2007. Bd. 1.
- Lübbe H. Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus. Graz; Wien; Köln: Styria, 1989.
- Marquard O. Transzendentaler Idealismus, Romantische Naturphilosophie, Psychoanalyse. Köln: Verlag für Philosophie Jürgen Dinter, 1987.
- Miller S. Social Institutions // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 ed.) / E. N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions>.

- Nippel W. Droysens "Hellenismus" — eine uneingelöste Ankündigung // Hardtwig W., Müller P. Die Vergangenheit der Weltgeschichte Universalhistorisches Denken in Berlin 1800–1933. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.
- Nippel W. Johann Gustav Droysen: Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik. München: C.H. Beck, 2008.
- Nippel W. Philologengstreit und Schulpolitik. Zur Kontroverse zwischen Gottfried Hermann und August Böckh // Geschichtsdiskurs. Bd. 3: Die Epoche der Historisierung / W. Küttler, J. Rüsen, E. Schulin (Hg.). Fr.a.M.: Fischer, 1997. S. 244–253.
- Pflaum C. D. J. G. Droysens Historik in ihrer Bedeutung für die moderne Geschichtswissenschaft. Gotha: Friedrich Andreas Perthes Aktiengesellschaft, 1907.
- Poiss T. Die unendliche Aufgabe. August Boeckh als Begründer des Philologischen Seminars // Die modernen Väter der Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts / A. M. Baertschi, C. G. King (Hg.). B.; N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.
- Rebenich S. Umgang mit toten Freunden — Droysen und das Altertum // "Die Ideale der Alten" Antikerezeption um 1800 / V. Rosenberger (Hg.). Stuttgart: Franz Steiner, 2008. S. 131–152.
- Ritter J. Hegel und die französische Revolution // Idem. Studien zu Aristoteles und Hegel / Erweiterte Neuauflage mit einem Nachwort von Odo Marquard. Fr.a.M.: Suhrkamp, 2003. S. 183–233.
- Rothacker E. Einleitung in die Geisteswissenschaften. 2. Aufl. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930.
- Rüsen J. Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie J. G. Droysens. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1969.
- Rüsen J. Historik: Theorie der Geschichtswissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013.
- Schieder T. Geschichte als Wissenschaft. Eine Einführung. München; Wien: Oldenbourg, 1965.
- Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1983.
- Schweda M. Entzweiung und Kompensation. Joachim Ritters philosophische Theorie der modernen Welt. Freiburg; München, 2013.
- Spieler K.-H. Untersuchungen zu Johann Gustav Droysens "Historik". B.: Duncker & Humblot, 1970.
- Thornhill C. German Political Philosophy. The Metaphysics of Law. N.Y.: Routledge, 2007.
- Vagts A. Johann Gustav Droysen: Historik, Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte [Book Review] // The American Historical Review. 1938. Vol. 43. № 2.
- Von Ranke L. [Einleitung zu einer Vorlesung über Neuere Geschichte. Geschichtswissenschaft und Parteienstandpunkt] // Von Ranke L. Aus Werk und Nachlass / V. von Dotterweich, W. P. Fuchs (Hg.). München; Wien: R. Oldenbourg, 1975. Bd. IV.
- Von Ranke L. Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. 3. Aufl. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885 [1824].
- White H. Review of: Johann Gustav Droysen, Historik // History and Theory. 1980. Vol. 19. № 1.

AN INSTITUTIONAL THEORY OF MODERNITY:
JOHANN GUSTAV DROYSEN

VITALY KURENNOY. Professor, School of Philosophy and Cultural Studies;
Head, Laboratory of Cultural Studies, vkurennoj@hse.ru.
National Research University Higher School of Economics (HSE),
21/4 Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russia.

Keywords: Johann Gustav Droysen; theory of historiography; methodology of historiography; theory of state; institutional theory; theory of modern society; institutional dynamics of modernity.

The article analyzes several crucial aspects of Johann Gustav Droysen's theory of historiography (as presented in the collection of his lectures published under the title *Historik*). The significance and reception of Droysen's legacy in contemporary historiography are examined primarily in the American and Russian contexts. The fundamental features of Droysen's theory of historiography are then identified with emphasis on: validation of the autonomy of history as a science; radical constructivism; moderate relativism; presentism; and the extension of the subject matter of hermeneutics to existential and anthropological issues. The main part of the article is devoted to Droysen's institutional theory and maintains that *Historik* provides more than a theory and methodology of historiography by also advancing an original institutional theory which serves as a direct link between Hegel's philosophy and current social and political concepts. Droysen's position on Hegel's philosophy is considered, and the derivation of "the ethical world," Droysen's principal category for institutional analysis traced back to Hegel. Droysen's theory of the state, which identifies it as the only source of legitimate violence and a mechanism for neutralizing conflicts in civil society and distinguishes between the notions of "power" and "violence," is treated in detail.

Three main aspects of Droysen's institutional theory are discussed. First, there is an analysis of his formal theoretical understanding of the concept of an "institution" as it compares to the basic modern philosophical and theoretical definitions of that concept. Then, the main substantive features of his institutional theory are examined. These include the three types of institutions (natural, ideal and practical), and the distinction between them will later play a prominent role in modern social theory and sociology. Finally, Droysen's account of the institutional dynamics of modernity is explicated as a taut equilibrium between the pursuit of stability by institutions and the disruption of their stability by normative reflection and criticism.

DOI: 10.22394/0869-5377-2020-6-41-90

References

- Angehrn E. Die Grenzen des Verstehens und der Universalitätsanspruch der Hermeneutik. *Rechtswissenschaft und Hermeneutik: Kongress der Schweizerischen Vereinigung für Rechts- und Sozialphilosophie, 16. und 17. Mai 2008, Universität Zürich* (Hg. M. Senn, B. Fritschi), Stuttgart, Franz Steiner, 2009. S. 143–153.
- Apel K.-O., v. Bormann C., Bubner R., Gadamer H.-G., Giegel H. J., Habermas J. *Theorie-Diskussion. Hermeneutik und Ideologiekritik*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1971.
- Arendt H. *On Violence*, New York, Harcourt, Brace, Jovanovich, 1970.

- Aristotle. *Politika* [Politics]. *Soch.: V 4 t.* [Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1984, vol. 4.
- Aronova E. Geofizicheskie dataskeipy kholodnoi voiny: politika i praktiki mirovykh tsentrov dannykh [Geophysical Datascares of the Cold War: Politics and Practices of the World Data Centers]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2020, vol. 30, no. 2.
- Assis A. A. *What is History for? Johann Gustav Droysen and the Functions of Historiography*, 2nd ed., New York, Oxford, Berghahn Books, 2016.
- Berger P., Luckman Th. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow, Academia-Tsentr, Medium, 1995.
- Bloor D. *Wittgenstein, Rules and Institutions*, London, New York, Routledge, 1997.
- Böckh A. *Encyklopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften* (Hg. E. Bratuschek), Leipzig, Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1877.
- Burke P. *Chto takoe kul'tural'naia istoriia?* [What is Cultural History?], Moscow, HSE, 2015.
- Daston L. O tsennosti kollektivnoi raboty i issledovaniia praktik. Interv'iu [On The Value of Collective Work and Studying Practices: An Interview]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2020, vol. 30, no. 2.
- Demin I. *Semiotika istorii i germenevtika istoricheskogo opyta* [Semiotics of History and Hermeneutic of Historical Experience], Samara, Samarskaia gumanitarnaia akademiia, 2017.
- Descola F. *Po tu storonu prirody i kul'tury* [Par-delà nature et culture], Moscow, New Literary Observer, 2012.
- Dilthey W. *Vvedenie v nauku o dukhe* [Einleitung in die Geisteswissenschaften]. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols], Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 2000, vol. 1.
- Droysen J. G. [Antrittsrede als neu eingetretenes Mitglied der philosophisch-historischen Klasse der Akademie]. *Monatsberichte der Königlich Preussische Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Aus dem Jahre 1867, Berlin, Gedruckt in der Buchdruckerei der Königl. Akademie der Wissenschaften*, 1868, S. 398–403.
- Droysen J. G. *Entsiklopediia i metodologiia istorii* [Encyclopedia and Methodology of History]. *Istorika* [Historics], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004, pp. 41–448.
- Droysen J. G. *Historik*. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh, Stuttgart, Bad Cannstatt: frommann — holzboog, 1977. Bd. 1.
- Droysen J. G. *Historik*. Historisches Wörterbuch der Philosophie: Völlig neubearbeitete Ausgabe des Wörterbuchs der philosophischen Begriffe von Rudolf Eisler (Hg. J. Ritter, K. Gründer, G. Gabriel), Basel u. a., Schwabe, 1976, Bd. 4, S. 418–424.

- Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [De la division du travail social], Moscow, Kanon, 1996.
- Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneytiki* [Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik], Moscow, Progress, 1988.
- Gaidenko P. *Proryv k transtsendentnomu: Novaia ontologiya XX veka* [Insight into the Transcendent: New Ontology of XX century], Moscow, Respublika, 1997.
- Gehlen A. *Moral und Hypermoral. Eine pluralistische Ethik*, Frankfurt am Main, Bonn, Athenäum, 1969.
- Grondin J. Georg Misch und die Universalität der Hermeneutik: Logik oder Rhetorik? *Dilthey-Jahrbuch für Philosophie und Geschichte der Geisteswissenschaften*. 1997–1998, Bd. 11, S. 48–63.
- Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik. *Hermeneutik und Dialektik. Hans-Georg Gadamer zum 70. Geburtstag* (Hg. R. Bubner, K. Cramer, R. Wieh), Tübingen, Mohr, 1970, Bd. I, S. 73–103.
- Hegel G. W. F. *Filosofiya istorii* [Philosophie der Historie], Saint Petersburg, Nauka, 1993.
- Hegel G. W. F. *Filosofiya prava* [Philosophie des Rechts], Moscow, Mysl', 1990.
- Herder J. G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit], Moscow, Nauka, 1977.
- Hübner R. Predislovie izdatelia [Publisher's Introduction]. In: Droysen J. G. *Istorika* [Historics], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004.
- Johann Gustav Droysen: Philosophie und Politik — Historie und Philologie* (Hg. S. Rebenich, H.-U. Wiemer). Frankfurt am Main, New York, Campus, 2012.
- Kohlstrunk I. *Logik und Historie in Droysens Geschichtstheorie. Eine Analyse von Genese und Konstitutionsprinzipien seiner "Historik"* (Frankfurter Historische Abhandlungen, Bd. 23), Wiesbaden, Franz Steiner, 1980.
- Kozlov A. Eshche raz o meste Ioganna Gustava Droizena v nemetskoj istoriografii [Again About the Place of Jogann Gustav Droysen in German Historiography]. *Imagines mundi: Al'manakh issledovaniy vseobshchei istorii XVI–XX centuries*, no. 7, iss. 4. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2010, pp. 224–243.
- Kurennoy V. *Filosofiya liberal'nogo obrazovaniia: printsipy* [Philosophy of Liberal Education: Principles]. *Voprosy obrazovaniia* [Questions of Educations], 2020, no. 1.
- Kurennoy V. Predislovie redaktora [Editor's Foreword]. In: Dilthey W. *Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* [Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften]. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols], Moscow, Tri kvadrata, 2004, vol. 3, pp. 11–34.
- Kurennoy V., Rumiantseva M. *Filosofiya kul'tury Germana Liubbe* [Hermann Lübbe's Philosophy of Culture]. In: Liubbe G. *V nogu so vremenem. Sokrashchenoe prebyvanie v nastoiashchem* [Zug der Zeit: Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart], Moscow, HSE, 2016.
- Kurilla I. *Istoriia, ili Proshloe v nastoiashchem* [History, Or Past in Present], 2nd ed., Saint Petersburg, EUSPb, 2018.
- Latour B. *Hovogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern: An Essay in the Symmetrical Anthropology], Saint Petersburg, EUSPb, 2006.

- Leyh P. Vorwort des Herausgebers. Droysen J. G. *Historik*. Historisch-kritische Ausgabe von Peter Leyh und Horst Walter Blanke, Stuttgart, Bad Cannstatt, frommann — holzboog, 2007, Bd. 1.
- Lübbe H. *Die Aufdringlichkeit der Geschichte: Herausforderungen der Moderne vom Historismus bis zum Nationalsozialismus*, Graz, Wien, Köln, Styria, 1989.
- Luhmann N. *Vlast'* [Macht], Moscow, Praxis, 2001.
- Malinovskii B. *Nauchnaia teoriia kul'tury* [Scientific Theory of Culture], Moscow, OGU, 2005.
- Marquard O. *Transzendentaler Idealismus, Romantische Naturphilosophie, Psychoanalyse*, Köln, Verlag für Philosophie Jürgen Dinter, 1987.
- Megill A. *Istoricheskaia epistemologiia* [Historical Epistemology], Moscow, Kanon+; ROOI "Reabilitatsiia", 2007.
- Miller S. Social Institutions. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2019 ed.)* (ed. E. N. Zalta). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2019/entries/social-institutions>.
- Nippel W. Droysens "Hellenismus" — eine uneingelöste Ankündigung. In: Hardtwig W., Müller P. *Die Vergangenheit der Weltgeschichte Universalhistorisches Denken in Berlin 1800–1933*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.
- Nippel W. *Johann Gustav Droysen: Ein Leben zwischen Wissenschaft und Politik*, München, C. H. Beck, 2008.
- Nippel W. Philologenstreit und Schulpolitik. Zur Kontroverse zwischen Gottfried Hermann und August Böckh. *Geschichtsdiskurs. Bd. 3: Die Epoche der Historisierung* (Hg. W. Küttler, J. Rüsen, E. Schulin), Frankfurt am Main, Fischer, 1997, S. 244–253.
- Oriu M. *Osnovy publicnogo prava* [Groundworks of Public Law], Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii, 1929.
- Parsons T. Motivatsiia ekonomicheskoi deiatel'nosti [Motivation of Economical Activities]. *O strukture sotsial'nogo deistviia* [The Structure of Social Action], Moscow, Akademicheskii proekt, 2000.
- Pessel A. Mission d'information et de reflexion sur l'agregation de philosophie. Rapport à Monsieur le Ministre de l'éducation nationale, 2001.
- Pflaum C. D. J. G. *Droysens Historik in ihrer Bedeutung für die moderne Geschichtswissenschaft*, Gotha, Friedrich Andreas Perthes Aktiengesellschaft, 1907.
- Plotnikov N. *Zhizn' i istoriia. Filosofskaia programma Vil'gel'ma Dil'teia* [Life and History. Philosophical Program of Wilhelm Dilthey], Moscow, Dom intellektual'noi knigi, 2000.
- Pohle R. Platon kak vospitatel'. Platonovskii renessans i antimodernizm v Germanii (1890–1933) [Platon als Erzieher. Platonrenaissance und Antimodernismus in Deutschland (1890–1933)]. *Hermeneia: Zhurnal filosofskikh perevodov*, 2018, no. 10, pp. 27–65.
- Poiss T. Die unendliche Aufgabe. August Boeckh als Begründer des Philologischen Seminars. *Die modernen Väter der Antike: Die Entwicklung der Altertumswissenschaften an Akademie und Universität im Berlin des 19. Jahrhunderts* (Hg. A. M. Baertschi, C. G. King), Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2009.
- Radtsig S. *Vvedenie v klassicheskuiu filologiiu* [Introduction to the Classical Philology], Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1965.
- Rebenich S. Umgang mit toten Freunden — Droysen und das Altertum. "Die Ideale der Alten" *Antikerezeption um 1800* (Hg. V. Rosenberger), Stuttgart, Franz Steiner, 2008, S. 131–152.

- Ritter J. Hegel und die französische Revolution. *Studien zu Aristoteles und Hegel/ Erweiterte Neuausgabe mit einem Nachwort von Odo Marquard*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2003, S. 183–233.
- Rothacker E. *Einleitung in die Geisteswissenschaften*, 2. Aufl., Tübingen, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930.
- Rüsen J. *Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie* J. G. Droysens, Paderborn, Ferdinand Schöningh, 1969.
- Rüsen J. *Historik: Theorie der Geschichtswissenschaft*, Köln, Weimar, Wien, Böhlau, 2013.
- Rutkevich A. Teoriia institutov A. Gelena [Institutional Theory of A. Gehlen]. *Sotsiologicheskaiia teoriia: istoriia, sovremennost', perspektivy. Al'manakh zhurnala "Sotsiologicheskoe obozrenie"* [Sociological Theory: History, Contemporaneity, Prospects. Almanac of "Sociological Review" Journal], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008, pp. 435–465.
- Savel'eva I. Obretenie metoda [The Acquisition of Method]. In: Droysen J. G. *Istorika* [Historics], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004.
- Savel'eva I., Poletaev A. Stanovlenie istoricheskogo metoda: Ranke, Marks, Droizen [Development of Historical Method: Ranke, Marx, Droysen]. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii* [Dialogue with Time. Almanac of Intellectual History], iss. 18, Moscow, URSS, 2007, pp. 68–96.
- Savel'eva I., Poletaev A. *Znanie o proshlom: teoriia i istoriia: V 2 t.* [Knowledge of the Past: Theory and History: In 2 vols], Saint Petersburg, Nauka, 2006, vol. 2.
- Schieder T. *Geschichte als Wissenschaft. Eine Einführung*, München, Wien, Oldenbourg, 1965.
- Schmitt C. Epokha depolitizatsii i neutralizatsii [Das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2001, vol. 1, no. 2, pp. 48–58.
- Schnädelbach H. *Philosophie in Deutschland 1831–1933*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1983.
- Schweda M. *Entzweiung und Kompensation. Joachim Ritters philosophische Theorie der modernen Welt*, Freiburg, München, 2013.
- Searle J. Chto takoe institut? [What Is Institution?]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2007, no. 8, pp. 5–27.
- Shchedrina T. Poniatie "lichnost'" v tekstakh Gustava Shpeta: aspekty znachenii i konteksty upotrebleniia [The Concept of "Person" in the Texts of Gustav Shpet: Aspects of Sense and Contexts of Use]. *Stil' myshleniia: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniia* [Style of Thinking: Problem of Historical Unity of the Scientific Knowledge], Moscow, ROSSPEN, 2011, pp. 69–89.
- Spieler K.-H. *Untersuchungen zu Johann Gustav Droysens "Historik"*, Berlin, Duncker & Humblot, 1970.
- Thornhill C. *German Political Philosophy. The Metaphysics of Law*, New York, Routledge, 2007.
- Trautmann-Waller C. Filologiiia veshchei ili filologiiia slov? Istoriiia odnogo spora i ego segodniashnie prodolzheniia [Philologie des choses (Sachphilologie) ou philologie des mots (Wortphilologie)? L'histoire d'une controverse et ses prolongements contemporains]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2009, no. 2, pp. 28–41.
- Vagts A. Johann Gustav Droysen: Historik, Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte [Book Review]. *The American Historical Review*, 1938, vol. 43, no. 2.

- Vasil'ev Iu. A. Istorika Ioganna Gustava Droizena kak metodologiiia istorii [Historics of Jogann Gustav Droysen as a Methodology of History]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 2016, no. 2, pp. 218–226.
- Von Ranke L. [Einleitung zu einer Vorlesung über Neuere Geschichte. Geschichtswissenschaft und Parteienstandpunkt]. *Aus Werk und Nachlass* (Hg. V. von Dotterweich, W. P. Fuchs), München, Wien, R. Oldenbourg, 1975, Bd. IV.
- Von Ranke L. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514*, 3. Aufl., Leipzig, Duncker & Humblot, 1885 [1824].
- Weber M. *Khoziaistvo i obshchestvo: ocherki ponimaiushchei sotsiologii v 4 t.* [Gemeinschaft und Gesellschaft. Bd. 1–4], Moscow, HSE, 2016, vol. 1: Sotsiologiiia [Sociology].
- Weber M. Politika kak prizvanie i professiia [Politik als Beruf]. *Izbr. proizv*, Moscow, Progress, 1990.
- White H. *Metaistoriia: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe], Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002.
- White H. Review of: Johann Gustav Droysen, Historik. *History and Theory*, 1980, vol. 19, no. 1.
- Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniia [Philosophische Untersuchungen]. *Filos. rab.* [Philosophical Works], Moscow, Gnozis, 1994, pt. I.